

Глаголев С.С.

Древо знания и древо жизни¹
профессор Сергей Сергеевич Глаголев

Исторические события не совпадают с хронологическими циклами. На рубеже XIX и XX столетий не произошло ничего, что могло бы стать исторической вехой. Но прошло немного лет от начала века, и события стали возникать. Много глубоко важного пережила Русь в последнее десятилетие. Но это только Русь. С небольшим год тому назад произошло нечто несравненно более грандиозное и важное. Пожар мировой войны охватил нашу землю, и началась скорбь, которой не было от начала мира. Когда и как окончится эта скорбь? никто кроме Бога не знает этого. Не будем и мы гадать об этом. Но то, что уже произошло, имело неисчислимые последствия, и одно из них имеет весьма важное значение для нас с вами, и для того дела, которое мы теперь начинаем.

Видите ли, мы с вами, собравшиеся здесь, принадлежим главным образом, если почти неисключительно, к духовному сословию. По своеобразной иронии судьбы в последние десятилетия молодежи из этого сословия был крайне затруднен путь к древу знания. Я говорю не о райском древе, доступ к которому возбранен всему человечеству, я говорю о том суррогате этого древа, которое выращено усилиями слабых и смертных людей и которое носит имя науки. Результаты, добытые ею, сообщаются в университетах и академиях. Но двери университетов перед семинаристами были закрыты почти совсем, а в академии вел путь узкий и нечуждый случайностей. Въ этом году почти на этих днях все изменилось. И университеты, и академии обращаются к семинаристам со словами: «добро пожаловать». Это – новая фаза в истории русского просвещения, которая, всей душой хочу верить, скажется могучими и благодетельными последствиями для нашей великой родины.

Но скажется ли она благодетельными последствиями для тех, перед которыми теперь открыты двери научного рая? Смысл моего вопроса заключается вот в чем. Чего бы ни искал человек, он ищет счастья, и я спрашиваю: те, которые без нынешней благодетельной меры не получили бы высшего образования и теперь благодаря этой мере, его получают, станут ли от этого счастливее? Вопрос этот сложен, и на него нельзя ответить простым «да» и «нет». В одном отношении те, о которых мы говорим,

несомненно, будут счастливее, потому что они не будут чувствовать себя несчастными вследствие несправедливого к ним отношения. Теперь без сомнения в наших деревнях и селах, да и городах имеется немало батюшек, которые хотели бы быть врачами, юристами, естественниками, но которым министерские циркуляры возбрали доступ к изучению медицины, законов, природы. Они могут чувствовать себя несчастными, потому что стали не тем, чем хотели быть. Теперь несчастные этого типа должны исчезнуть. Разумеется, и теперь много будет таких, которые станут не тем, чем хотят быть, но уже от других причин. Один фактор несчастья выпал из ряда тех, которыми создается судьба человека. Но, не говоря о том, что осталось много старых факторов несчастья, спрашивается – не явятся ли новые? Человек чувствовал себя неудовлетворенным в деревне, но не почувствует ли он себя еще более неудовлетворенным в городе.

У Байрона в его драме Manfred герой говорит (act 1.scene 1);

The Tree of Knowledge is not that of Life

– Древо знания – не древо жизни.

Жизнь есть счастье. Пессимисты и драпирующиеся в тогу пессимизма поэты, хотят не понимать этого и говорят о жизни, как о страдании. Но не понимать этого на самом деле нельзя. Страдание состоит в ограничении жизни, в отнятии тех или других признанных благ. На войне вы лишились нескольких близких человек. Это – скорбь; русло вашей жизни сузилось, сердце, бьющихся в унисон с вашим, стало меньше. Вы потеряли здоровье. Это значит, что интенсивность жизни вашей стала слабее; вы чувствуете себя плохо, потому что жизни в вас меньше. Вы потеряли имущество. Это опять ведет к ограничению жизни. Вы не можете удовлетворить той или иной из ваших потребностей. Жизнь есть благо, и умножение полноты жизни есть умножение блага. Страдание есть следствие потери части жизни. Человек на самом деле всегда и считал, и считает жизнь благом и цепко хватается за нее. Недаром говорят, что человек может продать свою душу, но не продаст своей жизни (Иов. 2, 4). Я спрашиваю: древо знания является ли этапом на пути к древу жизни?

Есть одно любопытное обстоятельство, которое, не заключая в себе ответа на предложенный вопрос, содержит, мне кажется, намек на ответ. Обстоятельство это состоит в том, что знание не умеет производить жизни. Во второй части Фауста вы находите Вагнера, создающим гомункула (Zweiter Aufzug. Laboratorium), но это ирония над средневековыми претензиями создать жизнь искусственным путем, а не изображение чего-либо похожего на факт. Перед проблемой жизни, наука

отступала за все время своего существования, и теперь мы стоим перед двумя фактами: 1) по-старому приходится утверждать, что *omne vivum et vivo* и 2) что интеллект ограничивает жизнь, а не умножает ее. Если вы расположите, животные существа по лестнице разумного восхождения, то придется установить, что умножение разума уменьшает количество производимых жизней; существа низших типов гораздо плодовитее, чем существа типов высших. Если мы от животного мира обратимся исключительно к человеческому, нам с необходимостью придется констатировать, что некультурные расы плодовитее культурных. Если затем и в культурных расах мы остановимся на цехе собственно представителей культуры, то оно опять окажется наименее плодовитым. Если, наконец, мы остановимся с вами на исключительно выдающихся натурах, то мы совсем не найдем их родов: или прямо они были без потомственными, или потомство их угасало в ближайших поколениях.

Вкусив от древа знания, человек не вкусил от древа жизни, и жизнь оказалась находящейся не в его власти. И не только знание оказалось бессильно перед жизнью; нет, знание оказалось заключающим само в себе смертельную язву и важнейшей истиной знания явилось то, что все мы смертью умрем. Культурность, сказал я, ограничивает плодовитость: значит, вносит зародыш смерти в жизнь, но кроме этого знание прозревает смерть всего в будущем. Как ни модифицирует наука *Darkness* Байрона, прекрасный перевод которой предложен нам Тургеневым, ее сущность признается правдой. Говоря о будущем, как о прошедшем, Байрон писал:

И мир был пуст,
Тот многолюдный мир, могучий мир
Был мертвой массой, без травы, деревьев,
Без жизни, времени, людей, движенья...
То хаос смерти был. Озера, реки
И море – все затихло. Ничего
Не шевелилось в бездне молчаливой.
Безлюдные лежали корабли.
И гнили на недвижимой, сонной влаге...
Без шуму, по частям валились мачты,
И падая, волны не возмущали...
Моря давно не ведали приливов...
Погибла их владычица – луна;
Завяли ветры в воздухе немом...
Исчезли тучи... Тьме не нужно было
Их помощи... она была повсюду.

Нам скажут, что в этом описании будущего есть противоречие. Нам скажут далее, что род смерти, которым должна будет умереть земля, неизвестен науке, но нам не скажут, что земля не умрет. Смотря на играющего ребенка, никто не может предсказать, какой смертью он умрет – погибнет ли он в цветущих летах в какой–нибудь войне, мирно ли он в преклонных летах заснет вечным сном, окруженный потомками, сгубит ли его безвременно какое–нибудь неудачное предприятие или специфический недуг? Никто не может предвидеть этого. Но он умрет, это – для всех несомненная истина. Тоже самое и относительно земли. Застынет ли она, как это предполагает Байрон, упадет ли на солнце, погибнет ли при столкновении с каким–нибудь небесным телом, как гибнут пароходы, столкнувшиеся в туманную ночь, умрет ли она от собственной дряхлости, она несомненно умрет. Об этом не спорят.

Наивные люди, веря в грядущую смерть земли, пытаются находить утешение в том, что смерть земли не будет смертью вселенной. Жизнь будет процветать среди миров иных. Странное утешение! Что нам до этих миров? Мы их не знаем. Жизнь их для нас не представима. Мы можем любить своих детей, но не можем любить неизвестного. Мы даже и не знаем – существует ли это неизвестное! Теплится ли где–нибудь еще жизнь в мировом пространстве кроме земли? Некоторые отвечают на этот вопрос отрицательно. Но все равно, эти чуждые нам небесные миры нас не касаются. На земле создавались науки, искусства, культура. Все это погибнет. Вот – факт.

Знание не предотвратит гибели земли, знание никого и из нас не избавить от смерти. Это мы все знаем. Знание не дает вечной жизни, но всегда человечеством руководила мысль, что знание может дать счастливую жизнь; знание дает человеку средства для жизни. Оно не освободить человека от подчинения законам природы, но оно подчинить ему природу.

Так ли это?

В старину нередко велись споры о том, какой возраст счастливее, в новое время эти споры не были оставлены, но к ним присоединились еще другие – кто счастливее: культурные или некультурные люди? Получая все большее и большее культурное наследство, люди стали задумываться над тем: действительно ли ценно это наследство. Как будто это наследство более давило своей тяжестью, чем облегчало путь жизни. Я думаю, что к этим двум вопросам нужно присоединить третий аналогичный: было ли счастливее человечество в прошедшем или оно будет счастливее в будущем? Я называю этот вопрос аналогичным и нетрудно показать, что

все три предложенные вопроса представляют собой, в сущности, вариацию одного и того же. Вопрос, первый: кто счастливее: ребенок или взрослый? Вопрос, второй: кто счастливее: дикарь или культурный человек, но культурный человек по отношению к дикарю является умственно и нравственно выросшим. Ведь, дикарей часто сравнивают с детьми. Наконец, вопрос третий: пережило ли человечество свое наибольшее счастье или такое счастье ожидает его в будущем, есть в сущности тоже вопрос о том: есть ли счастье удел детства человечества или оно овладеет счастьем по достижении зрелого возраста.

И знаете ли, в чем твердо убежден я? В том, что счастье – позади, а не впереди и что попытки вернуть это счастье так же безнадежны, как попытки вернуть свою молодость.

Счастлив ребенок и в люльке просторно ему.

Но погоди, дай время сделаться мужем

И тесен, покажется мир.

Немного нужно для счастья ребенка и в руках взрослых часто имеется много средств, чтобы заставить ребенка испытать счастье: незатейливая игрушка, дешевые конфеты, ласка тети, немудреная игра со сверстником и счастлив ребенок.

Счастлив ребенок во всякий праздник, когда на него надевают хорошенькую рубашку и дают ему пирожного, легко для него и будни превращаются в праздник. Часто дети и плачут, но после этих слез скоро лицо озаряется улыбкой все равно, как после летнего дождя земля скоро озаряется солнечным светом. Но чем доле растет ребенок, тем реже слышится его беззаботный смех, тем реже лицо его расцветивается счастливой улыбкой. Счастье уходит вместе с наивностью и доверчивостью детских лет. Мир, оказывается, шире, чем он думал. Человеческие отношения сложнее, чем они ему казались. Являются заботы и столкновения. Праздники на пути жизни встречаются реже и реже. Должно все-таки признать, что самые сильные радости, высочайшее счастье падает не на детство, оно падает на пору любви. Но здесь нужно обратить внимание на следующее. В самом захудалом, в самом ужасном детстве, какое поражает нас, бывает немало счастливых часов и дней, потому что немного нужно для счастья ребенка и тем менее ему нужно, чем меньше он имеет. Но любить и быть любимым – удел немногих и затем счастье в любви – даже когда и не ослабевает любовь – очень недолговечно. Одной такой любовью не могут жить люди. Медовый месяц легко переходит в полынный, и условия счастья оказываются только гораздо сложнее: нужно заботиться и о счастье своем и о счастье

любимого человека. Наконец, должно ответить, что счастье в любви подается человеку явно затем, чтобы в мире явилось новое поколение, которое потом и вытеснит с пира жизни этого человека. Наибольшая сумма счастья падает на детство.

Достигнув зрелого возраста, человек оказывается менее восприимчивым к радостям и более чувствительным к горестям. Он не плачет от пустяков, он не обнаруживает раздражения и недовольства, когда к нему относятся не так, как бы он хотел, но невзгоды, скорби и неприятности он слагает в своем сердце, думает о них, волнуется и мучается. Не приходит забвение, не происходит и смены горя радостями. Испытать чувства радости оказывается нелегко. Не так реагируют тело и дух на внешние впечатления. Десерт и конфеты не доставляют наслаждения. Беззаботное веселье становится немыслимым. Отношения к людям становятся подозрительными.

И чем дальше идет жизнь, тем менее окружающая действительность удовлетворяет человека и тем более начинает сказываться разлад между ним и действительностью. «Помни Создателя твоего, говорит Екклесиаст, в дни юности твоей, доколе не пришли тяжелые дни и не наступили годы, о которых ты будешь говорить: «нет мне удовольствия в них! “ доколе не померкли солнце и свет, и луна, и звезды, и не нашли новые тучи в след за дождем. В тот день, когда задрожать стрегущие дом и согнутся мужи силы, и перестанут молотить мелющие, потому что их немного осталось; и помрачатся смотрящие в окно, и запираются будут двери на улицу; когда замолкнет звук жернова, и будет вставать человек по крику петуха и замолкнуть дочери пения; и высоты будут им страшны, и на дороге ужасы, и зацветет миндаль, и отяжелеет кузнечик, и рассыплется каперс. Ибо отходит человек в вечный дом свой, и готовы окружить его по улице плакальщицы; – доколе не порвалась серебряная цепочка и не разбилась золотая повязка, и не разбился кувшин у источника, и не обрушилось колесо над колодезем» (Екклес.12, 1–6). Жизнь пойдет на убыль. Человек становится все менее приспособленным к среде и в физическом и в духовном смысле. Ему приходится более защищаться от воздействия стихий, быть более осторожным и разборчивым в выборе и употреблении пищи, природа постепенно становится для него более и более недоступной. Ему трудно взбираться на горы, опасно оставаться на морском берегу ночью, когда луна сообщает морю волшебную прелесть. Разлад с действительностью усиливается у него и в области духа. Интересы нового поколения – не его интересы. Он может быть великим ученым, талантливым мыслителем, из своего кабинета он может пускать в

обращение человечества ценные идеи, но ему уже нет места на пиру жизни человечества, его оттесняют от стола, за которым сидят люди данной минуты. Жизнь и ее радости уходят от него. И он знает, что они уходят, и они не вернуться. Счастье может быть только тогда, когда человек приспособлен к среде, когда он находится в гармонии с миром, но старик – в дисгармонии со всем, что его окружает, и впереди его ждет окончательный разрыв со средой, разрыв, который произведет неумолимая смерть. Почитайте «стихотворения в прозе» Тургенева, почитайте его: «о царство молодости, лазури и счастья, я видел тебя во сне», какой тоской о невозвратном веют эти слова. Ведь вместо «царство молодости» нужно поставить «царство жизни». Старый художник так тонко и глубоко чувствующий и понимающий красоты жизни, сознает, что ему уже нет места в ее царстве. Какое тут счастье!

В жизни отдельного человека происходит, что по мере того, как человек живет, счастье все более отходит от него. Возможность счастья обратно пропорциональна возрасту человека. Это – связь счастья с годами. Но какая связь счастья человека с культурой? Я думаю, что чем более культурен человек, тем менее для него возможно счастье. У нас любят умиляться на культуру, великие надежды возлагают на ее будущее. На самом деле культура гораздо больше возбуждает аппетиты, чем удовлетворяет их. Не затрагивая пока вопроса о будущем, остановимся на настоящем. Сравним дикаря и культурного человека. По моему мнению между ними двойное различие: 1) потребности культурного человека удовлетворить гораздо труднее, чем потребности дикаря и 2) удовлетворение потребностей доставляет дикарю гораздо более удовольствия, чем культурному человеку. Этнографы и антропологи любят проводить параллели между дикарем и ребенком. Дикарь вырастает, не теряя вкуса к тому, что любят дети. Дикарю доставляет громадное наслаждение пища. Дикари, как и дети, любят игры. Дикари забываются в танцах. Дикарь ближе к природе, чем лучшие натуралисты, лаборатории которых далеки от живой действительности, и дикарь сильнее и тоньше чувствует природу, лучше замечает в ней нюансы и перемены, чем талантливые художники. Дикарь интимно связан с природой, вследствие этого природа дает ему больше, чем культурному человеку, а просит он у нее меньше. Дикарь смотрит на природу иными глазами, чем ученый. Для дикаря природа божественна, одушевлена. Разумеется, пока человек не извратит совсем своей природы, окружающая действительность является для него источником эстетического наслаждения, но это наслаждение расхолаживается анализом. Ученый спешит уверить себя, что чувство

красоты субъективно, что природа только механизм, не преследующий никакой цели, равнодушный к красоте, добру и уму. Воззрения дикаря – поскольку мы знаем воззрения дикарей, – напротив, усиливают впечатления от природы. Они чувствуют в природе что-то высшее, таинственное святое.

Говорят, что культура обеспечивает и увеличивает благополучие. Так ли это? В культурных войнах погибает неизмеримо больше людей, чем в войнах дикарей. Теперешняя мировая война должна быть рассматриваема, как плод всей многовековой культурной жизни человечества. В этой войне человечество держит экзамен по науке умения истреблять своих ближних. Экзамен сдается не худо, но, не будучи пессимистом, я все-таки не сомневаюсь, что через некоторое время человечество снова само привлечет себя к новому экзамену, и требования будут повышены, и экзамен будет выдержан еще более блестяще.

Помимо войны культура не обеспечивает и не гарантирует человеку возможность случайной смерти, но она как-то развивает в человеке чувство страха перед смертью. Культурные люди трусливее дикарей. А уже существование страха смерти есть сильная тень, набрасываемая на человеческое благополучие. Говорят, о дарах культуры. Какие это дары? Дикое завывание первобытных дудок, бой в барабан, в бубны доставляют дикарю более наслаждения, чем современному меломану музыка Бетховена и Рубинштейна. У дикарей всегда есть своя живопись и скульптура. У них нет железных дорог и телефонов. Они им и не нужны. У них нет докторов, берущих по 25 и 50 рублей за прием с пациентов, но в этом отношении мы им можем только завидовать. Их знахари-жрецы стоят несравненно дешевле, а статистическими данными относительно того, скольких сравнительно не вылечивают знахари и доктора, мы не располагаем. Замечу только, что современные доктора заметно поворачивают в сторону знахарства, потому что внушение и гипнотизм – главные способы лечения у дикарей – начинают признаваться важными лечебными факторами у людей культурных. Я глубоко завидую дикарям уже в том, что у них нет газет. Мы культурные люди для того, чтобы не пребывать во мраке, принуждены ежедневно пробегать несколько газет. Если вы занимаете видное общественное положение, то, развертывая газету, вы рискуете всегда встретить сообщение о том, что вы допускаете возмутительные злоупотребления во вверенной вам области, что вы берете взятки, преследуете честных и умных людей, отдаете места близким родственникам. Развязный корреспондент без затруднения намекнет, что вы принимаете участие в подлогах, что у вас запутанные семейные

отношения. Могут коснуться и вашей родословной и сообщить такие вещи о ваших родителях, что тут же станет страшно. Но если вы – такой счастливый человек, что вас лично никогда не задевают газеты, то все равно вам при чтении их не избежать тяжелого чувства. У вас есть те или иные, верования, убеждения, вы сочувствуете тем или иным проектам и никаким чудом вы не спасетесь от того, чтобы на ваши глаза не попала газета, утверждающая, что разделяемые вами верования нелепы, убеждения – неискренни, проекты – лукавы. Конечно и дикари злословят друг друга, но дикарь не получает и не держит в своей хижине позорящих его изданий, и злословие у дикарей идет под сурдинку и гораздо медленнее и осторожнее превращается в публичное обвинение, чем это делается в европейской или американской печати.

Убеждения дикаря, – каковы бы они ни были – обычно гораздо тверже, чем убеждения людей культурных. Культурный человек всегда несколько скептик, несколько сомневающийся. Но состояние сомнения не есть состояние благополучия. Представьте себе влюбленного юношу – дикаря и нашего студента. Дикарь любит и конец. Он, не задумываясь, свернет шею своему сопернику; во многих случаях для того, чтобы любимая девушка стала его женой, он готов на опасные подвиги, не задумается, пожалуй, поставить на ставку свою жизнь. Теперь посмотрим культурного юношу. Уже чтение литературных произведений, где без конца выводятся ловительницы женихов, заставляю его задумываться, не обманывается ли он в любимой девушке, не скрывает ли она под личиной добродетели некрасивые вожелания. Прежде, чем пережить свою жизнь в действительности, современный юноша переживает чужие жизни по книгам. После этого к событиям в собственной жизни он подходит с сомнением и анализом. Но анализ и сомнения плохой гарнир для чувства любви. А затем, что касается до культурных девушек, то я думаю, что их опытность давно заставила их отказаться от мысли иметь мужьями людей способных на геройские подвиги.

Старому знаменитому историку, бывшему профессором нашей Академии более 30 лет, когда он стал выражать некоторые сомнения в пользу наук, одна дама сказала «а вот вы забыли:

Науки юношей питают,
Отраду старцам подают»

На это ученый возразил: «о! это – устарелая редакция». – «Какая же новая?» – спросили его. Он привел следующую:

«Науки юношей питают.
Но сытыми их не творят,

Лишь аппетиты возбуждают
И зря инстинкты шевелят».

«Кто автор этой новой редакции?» – спросили историка. «Один скромный поэт, ответил он, который никогда не скажет вам своего имени». Оставим в стороне автора.

Но останется несомненной правдой, что науки гораздо более возбуждают аппетиты, чем удовлетворяют их. У людей духовно благородных они усиливают аппетит к знанию и, не будучи в состоянии удовлетворить его, производят голод. У людей ничтожных они порождают самомнение и уверенность в своем преимущественном праве на пользование житейскими благами.

У культурных людей исчезают сильные чувства, они даже стыдятся их, а где нет сильных чувств, там не может быть и больших радостей. Чувства находят свое выражение в поэзии, и поучительно, что поэзия в жизни народов предшествует прозе. Гомер древнее Платона, и поэзия в Аравии существовала задолго до того, как, явилась проза корана. Но счастье, если оно действительно похоже на счастье, должно быть поэтично, а не прозаично. И вот почему мне думается, что, когда вместе с культурой в жизни народов является проза, то вместе с этим ослабляется возможность счастья.

Но если культура ослабляет чувства наслаждения и радости, то тогда само собой решается вопрос – к счастью или от счастья идет человечество? оно идет, или по крайней мере хочет идти, путем прогресса, оно хочет культурного преуспевания, оно хочет, чтобы миражи, иллюзии, суеверия были рассеяны, оно хочет все понять, чтобы перестать удивляться и восхищаться, чтобы перестать одобрять и порицать. Постараемся немного пораздумать над тем, какое будущее ожидает это человечество?

Оставляя пока в стороне вопрос о его культурности, и прогрессивности, посмотрим сначала на отношение к нему природы: должно ли оно в будущем ждать от природы более или менее благ, чем, сколько она давала в прошедшем? И не споря ни с Дарвином, ни с его противниками, на основании исторического опыта человечества должно признать, что природа беднеет, а не богатеет.

В тот период жизни человечества, для суждения о котором мы располагаем историческими, археологическими и палеонтологическими данными, мы наблюдаем процесс страшного вымирания, а вовсе не развития фауны. Виды и роды не умножаются в числе. Некогда на земле с человеком жил мамонт. Где он теперь? Несколько скелетов в музеях, да изделия из мамонтовой кости – вот все реликвии, сохранившиеся от него.

Исчезли пещерные львы, тигры, носороги с двойной перегородкой, вымер тур, вымерли морские коровы, исчезла гигантская птица diornis. Что стало на место их? Пусть мне назовут роды, о которых можно сказать: их не было, когда те были, но они существуют теперь. Нет, все то, что существует теперь – я не говорю о множестве мелких пород, легко возвращающихся к первобытному типу, – существовало и тогда. Природа потеряла много родов, но не восполнила их ничем. Мало этого, мы присутствуем при процессе вымирания многих родов и решительно не видим ничего нового, чтобы шло им на смену. Разве дни бенгальских тигров не сочтены? Разве африканский лев и носорог не находятся на пути к вымиранию. Немного лет тому назад в Африке было найдено новое млекопитающее окапи, нечто среднее между ослом и жирафом. В прошедшем оно, по-видимому, было распространено значительно, и было известно в Египте, но его открыли только затем, чтобы констатировать, что оно скоро исчезнет совсем. Исчезнуть и волки, и медведи, которых истребляют. Исчезнуть и зубры, которых запрещают истреблять. Дичь, которой так много въ метафорическом смысле, исчезает в буквальном смысле этого слова. Млекопитающие вымирают, начиная с китов и кончая бобрами и куницами. Но вымирание их есть обеднение природы, есть уменьшение ее красоты. Как будто жизненные силы ослабевают у нее, как будто она стареет.

Физические теории, стоящие на очереди дня, объясняют и оправдывают наблюдаемый нами процесс. У земли сокращаются доходы, солнце по теории должно давать все меньше и меньше процентов тепла земле и хотя в этом вопросе есть много темного и неясного, хотя, по-видимому, в непосредственно предшествовавшую нашей геологическую эпоху (ледниковую), в наших широтах было холоднее, чем теперь, тезис, что настоящий холод ожидает нас в будущем, считается непререкаемым. То, что мы наблюдаем, утверждает нас в мысли, что мы живем не при процессе возрастания жизни, а при процессе ее ослабления. Но если даже допустить, что мы не поднялись до зенита, то все равно рано или поздно человечество должно спуститься к закату.

Конечно, нельзя оспаривать, что знанием предотвращаются страдания. Зная людей, вы избавитесь от многих скорбей, причиняемых людьми. Зная среду, вы приспособляетесь к ней. Медицина, техника, агрономия предотвращают горе, предупреждают удовлетворение потребностей. Но удобства жизни, подаваемые знанием, не делают человека счастливым, они расслабляют его и делают малоспособным к борьбе с невзгодами, которых не предвидело его знание. Знание дает

средства для жизни, но поскольку оно их дает, постольку оно как будто понижает и ослабляет саму жизнь и постольку оно делает для человека страшным незнание. Пока человек ничего не знает он боится меньше, чем, когда он кое-что узнает слабые боли, которые от времени до времени чувствует ничего незнающий человек, не смущают его. «Пройдет», думает он. Человек, питающий нежные чувства к медицине, напротив, смутится: не представляют ли собой эти боли симптома какой-либо страшной, может быть смертельной болезни? Если с одной стороны знание надмевает, то с другой – заставляет трусить.

За всем тем пусть знание дает средства для жизни, но эти средства ценны лишь в том случае, если ценна жизнь, если есть нечто, что делает ее ценной. И вот говорят, что знание само по себе есть самодовлеющая цель жизни, делающая жизнь счастливой. Климент Александрийский говорил, что занятие науками дает человеку счастье, выше которого только блаженство в царстве небесном. Без сомнения, есть немало ученых, которые находят свое счастье в научных исследованиях. Мы знаем историков, которые всю жизнь свою связали с исследованием жизни одного или нескольких исторических деятелей и открытие каждого нового документа относительно этих лиц, выяснение каких-либо деталей относительно их жизни давали им счастье. Мы знаем математиков, почти вся жизнь, которых прошла в исследовании уравнений икосаэдра или подобных детальных вопросов. Но это знание не есть ведь древо знания. Собираение табакерок, монет, коллекционирование растений данной местности, все это интересно, но все это не разрешает человеку никаких мировых загадок и не открывает насущно нужных ему истин. Когда говорят о науке, как о самодовлеющей цели человеческих занятий, под наукой разумеют учение об истине, под истиной разумеют знание того, откуда мы вышли и куда мы идем, знание нашего участия в мировом процессе и характера мирового процесса: имеет ли он какую-нибудь цель, достигнув которой он должен преобразоваться, или он вечен и бесцелен? Телесная смерть, есть ли конец всего или наше существование будет продолжаться и после смерти тела? Случайны ли принципы морали, которым мы более или менее подчиняемся, или нет ни добра, ни зла, а существует лишь правда?

У Шиллера есть стихотворение *Archimedes und der Schüler*. К Архимеду приходит ученик, который, именуя науку богиней, восхищается вместе с тем техническими изобретениями и усовершенствованиями, которые создала наука и которые принесли много пользы отечеству. Архимед отвечает, что если *wissbegieriger Jüngling*

видит в науке богиню, то не должен искать в ней жены (Weib). Но вместе с тем Архимед утвердил, что наука действительно есть божественное искусство и по его мысли этому искусству должно служить бескорыстно. Чистая наука не имеет в виду практических приложений, она служит только истине.

Древо знания есть древо истины. Если это так, то все человечество должно устремиться к древу знания. Познать истину? Что может быть выше этого. Пусть эта истина будет печальна и выразится буддийской формулой: бытие есть зло. Все-таки лучше знать это, чем пребывать в неведении и заблуждении. Да эта формула еще и не так страшна. Если что-либо называют злом, то тем самым утверждают существование идеи добра, как высшего оценочного мерил. Есть формула более ужасная: понятия добра и зла субъективны. Этой формулой отрицается существование всякого оценочного мерил для существующего и всякого смысла в существовании. Но за всем тем лучше знать эту ужасную истину, чем пребывать во лжи. Истиной хочет владеть человек. Что же дает человеку наука под именем истины? Она дает ему систему понятий о вещах, их связи и взаимоотношении между собой. Скучная вещь – эти понятия, но тем не менее давайте выясним, что они представляют собою, дают-ли они нам что-нибудь похожее на истину, отражают-ли они ее в себе хотя бы так, как кривое зеркало отражает в себе наш образ, или все эти понятия только искусственные, заведомо фиктивные символы, помогающие нам ориентироваться в действительности, но безусловно не отражающие ее в себе?

Без всяких колебаний и сомнений должно ответить словом «да» на последний вопрос. Попытаюсь выяснить это. Мы хотим все понять. Что же такое понятие?

Русское слово *понятие* почти точно отвечает немецкому Begriff, *понять*, т.е. поят, схватить – begreifen. Очевидно, по мысли тех, кто первоначально употреблял эти термины, *понять*, что-нибудь значило схватить что-нибудь умом, умственно овладеть чем-либо. Этому отвечает и латинское слово conceptus (отсюда русское концепция) от concipio = cum + capio = схватываю. Овладеть чем-либо умственно значит узнать что-либо. Причем для того, чтобы схватить умом, обыкновенно раньше нужно бывает схватить предмет физически. Для того, чтобы иметь понятие о вкусе персика или яблока, я должен их отведать, т.е. схватить не только руками, но и зубами. Обычный прием для ознакомления с материей есть ощупывание. Схватывать можно не только руками, но и глазами и слухом. Я схватываю глазами расстилающийся передо мною вид, я схватываю

слухом топот или шорох. Но затем в деле познания слово схватывание становится метафорой. Мы говорим о человеке: он быстро схватывает суть дела. При этом схватывании, понятно, не пускаются в ход физические орудия или органы. Однако, это схватывание духовное, может вести к схватыванию физическому, к физическому овладению предметом. Что человек понял, к тому он может приспособиться, или то может сам приспособить к себе. Раз человек понял законы падения тел, он может их утилизировать. Таким образом термин понятие (схватывание, овладение) из метафорического может опять стать буквальным.

Понятие о предмете есть познание предмета, мысль о предмете. Такому значению понятия отвечают греческие слова *λογος*, *ενοια*, французское *notion*, английское *notion* (тождественное по написанию с французским, но иначе произносимое: латинское *novi* – я знаю). Но и суждение, и умозаключение есть познание, точно также и представление является познанием. Понятие, как логическая форма, отличается от этих и логических, и психологических форм. Оно может приближаться к ним, быть шире их и уже, но оно не то же, что они. Мы найдем логический смысл этого термина, отправляясь от обычного понимания слова понятие. Что мы хотим сказать, когда говорим: я имею понятие об этом предмете, или, когда говорим: вы не имеете никакого понятия о том, о чем рассуждаете? Очевидно, мы усваиваем слову понятие некоторое содержание и некоторые границы. Очевидно, понятие есть некоторое познание о предмете, но не всякое познание есть понятие; иначе фраза: вы рассуждаете о деле, не имея никакого понятия, не имела бы никакого смысла, так как всякое рассуждение конечно исходит из какого-нибудь, хотя бы и очень скудного познания. Если я скажу, что я знаю о Шекспире и Ньюtone только то, что они были англичанами, то с полным правом мне скажут, что я не имею о них никакого понятия, но если я скажу: творец Гамлета Шекспир или открывший принцип всемирного тяготения Ньютон, слушающие меня должны будут признать, что я имею понятие об этих лицах. Ни Гамлет, ни принцип тяготения не исчерпывают того, что дали человечеству Шекспир и Ньютон, но уже этим Шекспир и Ньютон отличаются от всех людей, которые жили и будут жить. Эти признаки сообщают им печать индивидуальности, и мы по этим признакам всегда узнаем их и отличим от других людей. Такое познание предмета, такую мысль о предмете, которая указывает, почему можно узнать всегда этот предмет, логика называет *понятием*. Каждый реальный предмет имеет бесчисленное множество признаков. Попробуйте точно и подробно описать внешнюю форму какого-либо камня, и вы никогда не кончите

этого дела. Вы укажете сотни подробностей, но все-таки форма камня не будет восстановлена вполне, и к этим подробностям всегда окажется возможным приспособить другой камень, который затем будет отличаться многим от первого. Но вы можете указать несколько признаков, по которым этот камень, пока он будет существовать в том же виде, всегда можно будет узнать. Часто бывает, нужно немного признаков, чтобы выделить предмет. Я говорю: город под $55^{\circ} 45'$ северной широты; под этой широтой может быть много городов и в Европе, и в Азии, и в Америке; но я прибавляю еще: под $37^{\circ} 37'$ восточной долготы от Гринвича. Один только город в мире удовлетворяет этим условиям, это – Москва. Но характерно ли это для Москвы? Если поэтому всегда можно узнать Москву, то это само по себе не дает знания о Москве. Если нам скажут: город, в котором находится старейший русский университет, то мы, зная лишь широту и долготу Москвы, не можем догадаться, что здесь идет речь о Москве. Достаточное в одном отношении наше понятие, сказывается, недостаточным во многих. Для суждений, даже для узнаваний, нам нужны такие признаки предмета, которые не только бы принадлежали исключительно тому предмету, но которые налагали бы собой печать и на все прочие признаки предмета, так что и по этим прочим признакам мы могли бы его узнать. Географическое положение Москвы, без сомнения обуславливавшее в значительной мере ее историю, однако не дает Москве характерного отпечатка. И Коломна, и Дмитров, и Можайск имеют широту и долготу, близкие к московской, но отличаются от Москвы гораздо более, чем многие далеко от нее отстоящие города. Но если мы определим Москву по ее населению, составу этого населения, по национальности, образованию, состоянию, профессиям, то, зная это, мы будем иметь понятие и о многих иных сторонах жизни Москвы. У нас будет приблизительное представление о состоянии учебного дела, торговых оборотах, потреблении, движении. Если после этого нам скажут: город со столькими-то больницами, со столькими-то трамваями и извозчиками, мы спросим: не Москва ли? Потому что цифры, сообщаемые нам, подходят к тем, которые вытекают из данных о количестве и характере московского населения. Когда нас просят дать понятие о каком-либо предмете, то разумеют, чтобы мы указали не только признак, принадлежащий исключительно этому предмету, но, чтобы указали характерный признак, т.е. такой, из которого бы вытекали и многие иные признаки, $\kappa\alpha\sigma\alpha\iota\tau\eta\varsigma$, по-гречески значить печать, характерный признак, это такой, который кладет свою печать на все свойства предмета. Ньютона мало характеризует обстоятельство, что он был директором монетного

двора в Англии, но то, что он открыл принцип тяготения характеризует его, как великого физика и математика, но вся его жизнь и все его значение для человечества резюмируется в том, что он был великий физик и математик. Сведение, что Шекспир был актером в лондонском театре, мало сообщает нам о Шекспире. Но трагедия Гамлет характеризует нам автора и как гениального драматурга, как титана трагедии. Шекспир написал не одного Гамлета и Ньютон открыл не один закон тяготения, но зная их, как авторов этой трагедии и этого закона, мы уже принимаем, как естественное, само собой понятное и мало прибавляющее новых черт, что Шекспир написал Макбета и Лира, Ньютон открыл теорию флюксий (дифференциальное исчисление), разложил солнечный луч, развил теорию бинома. Есть нечто, что характеризует людей и предметы. Зная это характерное свойство, мы иногда не умеем назвать его. Мы имеем так сказать бессознательное понятие о лице или предмете, и мы пользуемся им, не облакая его в логическую форму. Очень нетрудно уловить различие между произведениями Мурильо и Рафаэля. Можно и не уметь, и не стараться выразить его в словах, но оно чувствуется. Человек, видевший произведения Мурильо и Рафаэля в различных галереях Европы и затем вошедший в квадратный зал парижского Лувра, без труда укажет здесь какие произведения принадлежать Мурильо и какие Рафаэлю. Он руководствуется бессознательно составившимся у него понятием о характерных особенностях творчества у того и у другого. Мы узнаем людей по голосу, т.е. по тембру их голоса, хотя и не составляем себе отчета об особенностях этого тембра. Мы узнаем своих знакомых по лицу. Но если бы составили список примет наших знакомых для того, чтобы по этим приметам их могли узнавать другие, в большинстве случаев эти приметы, сводящиеся к традиционной форме паспортов: особых примет нет, оказались бы совершенно бесполезными. Для себя мы имеем понятия об особенностях лиц наших знакомых, но мы не можем эти понятия передать другим. Логическое понятие выражается в слове, оно есть выражение мысли о характерном или характерных признаках лица или предмета, или свойства. Признак вообще есть черта, приписываемая предмету, которой он сближается с одними предметами и отличается от других. Кошка есть животное млекопитающее. Этим кошка сближается с собакой, лисицей и отличается от курицы и гуся. Признаки бывают различных родов. Важнейшее деление их на следующие три рода: основные (существенные), производные (атрибутивные) и случайные (акцидентальные). Основные признаки – это суть те, которые нельзя вывести из других признаков, но которые сами обуславливают

существование производных признаков. Человек есть основной признак негра, этим обуславливается его разумность, способность к речи, общественности, религии. Квадрат есть основной признак некоторых четырехугольников, из этого признака следует, что они равносторонние, равноугольные, что диагонали у них взаимно перпендикулярны и много иных. Но из производных признаков, взятых в отдельности, не следуют обыкновенно основные. Из того, что четырехугольник равносторонен, не следует, что он квадрат, он может быть ромбом. Из равноугольности также не следует, что данный четырехугольник квадрат, он может быть прямоугольником. Только несколько производных признаков дают возможность заключать к основному. Из равносторонности и равноугольности четырехугольника следует, что он квадрат. От признака разумности еще нельзя заключать к признаку: человек. Христианская религия учит верить в существование ангелов. Допускают существование разумных существ на небесных мирах. Но если сказать: чувственно разумное существо, живущее на земле, то эта совокупность признаков определит признак основной: человек. Не трудно видеть, что понятия основного и производного признака являются относительными. Один и тот же признак может быть рассматриваем как основной и как производный. Равносторонность в четырехугольнике обуславливает много свойств: параллельность противоположных сторон, равенство противолежащих углов. Равносторонность по отношению к этим признакам явится основным, а они по отношению к ней производными. Случайные признаки это те, которые мы не умеем, или которые действительно нельзя связать причинной связью с остальными признаками предмета. Планета солнечной системы Сатурн, это существенный признак Сатурна, но если нам скажут: окруженная кольцом планета Сатурн, то окруженная кольцом в наших глазах явится случайным признаком Сатурна. Мы не можем представить и мыслить это кольцо, как необходимый придаток планеты. Не трудно, однако видеть, что и как разделение признаков на основные и производные зависит от точки зрения, с которой совершается деление, так и признание признаков случайными часто обуславливается нашим незнанием. Цвет шерсти у кошки конечно случайный признак, но во 1) в отношении к каждой данной кошке он, несомненно, обусловлен особенностями ее зачатия и развития, во 2) цвета кошек вообще и рисунок их шерсти не обнаруживают бесконечного разнообразия – нет кошек зеленых, красных, нет кошек пятнистых. Несомненно, вообще, что окраска их шерсти и распределение их окраски зависишь от особенностей их организации и значить – от основных признаков. Затем должно

установить, что связь признаков, будучи связью причинною, может не быть связью математической необходимости. Из того, что окунь – рыба, следует, что он должен дышать жабрами, но этим основным признаком далеко не определяются подробности в устройстве его жабр. У американцев вообще пальцы длиннее, чем у европейцев, но знание наше, что известный человек американец, не дает нам точной меры для его пальцев. Понятие о предмете с логической точки зрения есть знание основных признаков предмета. Может показаться, что это логическое понимание понятия стоит в полном несогласии с обыденным. Основные признаки суть те, из которых вытекают прочие сами собою, которыми, значить, определяются прочие. Но в таком случае знание основных признаков есть полное знание предмета. Между тем обычная жизнь со словом понятие не соединяет представление о полном знании. Если я говорю, что я имею понятие о гистологии, то это значить, что, как следует, я гистологии не знаю. Но на самом деле, логическое и обычное понимание понятия, мне думается, сходятся. Во 1) в большинстве случаев производные признаки не следуют из основных с необходимостью и поэтому, значить, предмет не определяется своими основными признаками вполне, во 2) даже в той области, где производные признаки вытекают с необходимостью из основных, вывод их является делом сложных умозаключений, повторяемых столетиями. Все свойства эллипсиса определяются его основным свойством, что сумма расстояний каждой точки его от двух данных точек, называемых фокусами, есть величина для каждого эллипсиса постоянная. Этим определяется длина эллипсиса, свойства касательных, секущих, площадь и т. д. Однако нужны целые месяцы, чтобы выяснить себе эти выводы, и нужны были целые столетия, чтобы их открыть. Основные признаки предмета дают нам схему предмета, дают понятие о предмете, но не делают для нас предмет всецело известным. Полно и правильно выбранные, они дают возможность узнать предмет, дают метод для ближайшего ознакомления с ним, но сами в себе они не заключают полного знания предмета.

Во всем нашем предыдущем рассуждении ясно подразумевалось, что одно и то же понятие может отвечать не только единичному предмету, но целой группе предметов. Из определения понятия, как мысли об основных признаках предмета, даже само собой следует, что большинство понятий должны быть общими. Признак, налагающий на предмет печать индивидуальности, в большинстве случаев трудно бывает вывести из основных признаков предмета. Индивидуальность обыкновенно характеризуется случайными признаками. Она определяется также

сочетанием основных признаков. Наше ограниченное мышление не может узнать и запомнить всех признаков предмета, да это и не нужно нам в нашей повседневной жизни. Нам нужны некоторые характерные признаки предмета. Они оказываются общими у многих предметов, таким образом, одно и то же понятие может служить сказуемым для многих подлежащих. Отыскивая прислугу, мы желаем, чтобы она была честна и умела делать свое дело. С этими свойствами может соединяться множество иных особенностей. Но нас они не интересуют, мы ищем только то, что отвечает нашему общему понятию. Легко видеть, что общие понятия должны распадаться по степени своей общности. Положим, посещение какого-либо зоологического сада, познакомило вас с несколькими слонами. Вы остановили ваше внимание на самом большом из них. Вы составили понятие об определенном слоне. Вам говорят, что этот слон африканский, что вид африканских слонов характеризуется своей величиной и роскошными бивнями. Но известные границы размеров, конечно, не самый важный признак в слоне. Оставляя его в стороне, вы под понятие слона подводите и вид слонов индийских. Они вообще меньше, и голова у них поставлена более высоко. В общем понятии слона, особенности африканского и индийского видов устраняются. Но существовали еще виды слонов, теперь вымершие – мамонты, мастодонты. Оставляя в стороне особенности видов, мы образуем понятие животных хоботных, характеризующихся вообще значительной величиной, хоботом, бивнями. Отряд хоботных оказывается близким к другим животным. Устраняя в нашем понятии то, что их различает, общим признаком сближающим их между собой и отличающим их от всех других животных, является то, что они рождают детенышей уже значительно развившихся. Мы имеем теперь общее понятие подкласса плацентарных животных. Но в других признаках наши животные оказываются близки с иными. Общим признаком их, что они рождают детенышей живыми и кормят их молоком. Мы имеем теперь общее понятие млекопитающего животного. Но млекопитающие животные оказываются во многом сходны со многими не млекопитающими – с птицами, рыбами, гадами. У всех у них внутренний скелет, позвоночный столб, все они имеют двустороннюю симметрию, ограниченное число конечностей (не более двух пар). У нас является понятие позвоночного животного. Но существуют на свете не только позвоночные животные. Около рыб ютится рак, у которого нет скелета, и рядом с маленькими птичками вьются бабочки, иногда превосходящие их своим размером. Анатомия бабочки совсем иная, чем анатомия птицы. Но в ряду различных признаков, их особенно сближает один –

одушевленность. Мы отбрасываем признаки, различающие позвоночных и беспозвоночных животных, и составляем понятие одушевленного существа. Но процесс обобщения может идти у нас и далее. Общая черта всех животных та, что они рождаются, питаются, растут, размножаются и умирают. Но эти черты принадлежать не одним одушевленным животным, а и растениям. Отбрасывая то, чем различаются растения и животные, и соединяя то, что в них есть общего, мы получаем понятие организма. Но не пойдем теперь далее в деле обобщения. Остановимся на анализе имеющейся у нас шкалы понятий. Мы видим, что чем выше стоит понятие по степени своей общности, тем для большего числа особей оно может служить сказуемым, но зато оно в самом себе заключает тем менее признаков. Ведь к тому слону, о котором мы начали речь, можно приложить все те признаки, которые мы указывали в высших понятиях: он и африканский, и хоботное животное, и плацентарное, и млекопитающее, и позвоночное, и одушевленное, и организм. Но организм может быть и неодушевленным (роза), одушевленное – беспозвоночным (червь) и т. д. *Совокупность признаков, указываемых в понятии, называется его содержанием. Совокупность особей, для которых данное понятие может служить сказуемым, называется его объемом.* Нетрудно видеть, что между содержанием и объемом существует отношение обратной пропорциональности. Чем больше содержание понятия, тем меньше его объем, чем больше объем, тем меньше содержание. У организма вообще гораздо меньше признаков, чем у растения, и у растения вообще меньше признаков, чем у осины. Разумеется, эту обратность нельзя понимать в строго математическом смысле: если число признаков уменьшилось вдвое, то объем вдвое увеличится. Нет, в различных случаях дело произойдет различным образом, но, в общем, всегда с уменьшением объема – хотя на самом деле и в различной пропорции – будет возрастать содержание и наоборот.

Рассмотрение взаимоотношения понятий по содержанию и объему, показывает нам, что судьба понятий может быть двоякой. Они могут подлежать или обобщению или дифференцировке. Устраняя признаки, различающие несколько понятий, мы образуем из них одно – высшее. Это – процесс обобщения. Внося в понятие новые признаки, взаимно исключаящие один другого, напр., в понятие о физической природе человека – белый, желтый, черный цвет кожи – мы разлагаем одно понятие на несколько, производим процесс дифференцирования. Очевидно для того, чтобы эти процессы дифференцирования и обобщения были плодотворными и целесообразными, нужно, чтобы они совершались

согласно некоторым требованиям логики. Понятие есть мысль об основных признаках предмета. Когда мы хотим расширить его объем, то мы, значить, хотим по принципу сходства сблизить его с другими понятиями. Очевидно, мы должны сблизать то, что наиболее близко и родственно между собой, что различается между собой в наименее существенных и важных признаках. Так совершался у нас процесс обобщения понятия африканского слона. Мы сблизили его, прежде всего не с лошадью, и не с двуутробкой, а со слонем индийским, с которым у него существует лишь незначительное различие по величине и некоторым второстепенным признакам. Так возрастание объема должно совершаться через устранение наименее важных признаков из содержания. Наоборот, уменьшение объема должно совершаться на счет обогащения содержания существенными признаками. Мы могли бы дифференцировать понятие организма таким образом: организмы четвероногие и организмы не четвероногие. Береза и человек оказались бы по этой классификации ближе между собой, чем человек и лев. Такая дифференцировка понятий является только образованием праздного умственного балласта из понятий. Но если мы расчленим понятие организма с точки зрения одушевленности (далее – отсюда следующей способности к произвольному движению), мы разделим мир организмов на два царства, жизнь которых течет резко различными путями.

Для возможно полного выяснения понятия, как логического продукта, важно рассмотреть отношение его к представлениям и суждениям. Представления суть продукты психологические, суждения – процессы логические. Понятия сблизаются с первыми, потому что вместе с ними они суть продукты познания. Понятия сблизаются с суждениями, потому что вместе с ними они суть акты логические.

«Я имею некоторое представление об этом деле», «я имею некоторое понятие об этом деле». В повседневной жизни подобные выражения употребляются нередко, как взаимозаменяемые. Однако уже повседневная жизнь и самым резким образом подчеркивает их различие. Со словом представление связывается образ, со словом понятие связывается мысль. Мысль отыскивает в предмете существенные признаки. В представлении отпечатлеваются признаки, наиболее сильно воздействовавшие на воспринимавшего при акте восприятия. В представлении ворона черный цвет выступает на одно из первых мест, в понятии о вороне черному цвету можно отвести лишь третьестепенное место. Черная окраска, несомненно, обусловлена каким то фактором, играющим постоянное значение в жизни ворона, но этот фактор не имеет решающего значения для его жизни.

Ворон может быть и белым. Под воздействием каких-либо условий может образоваться порода и белых воронов. Представление дает образ характерный черный с сильным стальным-синим, даже зеленоватым блеском окраски, мысль стремится найти более важный признак, обуславливающий эту характерную и упорную окраску. Понятие является результатом анализа взаимоотношения признаков, выяснения важности каждого из них. В представлении анализ взаимоотношения признаков отсутствует. Представление отличается живостью, понятие схематизмом. Из этого определения, как равно из указания и других различий, само собой следует, что по своей способности к обобщению представление и понятие находятся в обратном отношении. Обобщить два родственные понятия в одно высшее не трудно. Немец и француз легко обобщаются в европейца, овца и лошадь в млекопитающее. Но обобщать представления далеко не так легко, недаром некоторые психологи даже утверждают, что общих представлений не существует, что, представляя треугольник вообще, всегда представляют более или менее определенный треугольник. Позволительно утверждать, что общие представления существуют. Усвоив индивидуальное название какой-либо вещи, маленькие дети дают его потом другой подобной вещи. У Тэна (несколько с другой целью) приведены примеры, сообщенные др. Либером, как мальчик словом «ним», которое он употреблял для обозначения кашицы, стал обозначать все съедобное. Как тот же мальчик, усвоив видно несколько особенный смысл словам хороший мальчик, рекомендовал потом корову: «хороший мальчик корова», а девочка, желая выбрать доктора, сказала: «доктор дурная девочка». (Тэн. Об уме и познании. Перевод Страхова. 1872, т. II, стр. 143–4). Во всех этих случаях мы видим, что одно представление является сказуемым для другого. Что это значит? Конечно, то, что первое представление имеет характер представления общего. Но процесс обобщения, чем дальше он восходит в сфере представления, тем более становится тусклым и неопределенным. Как представить вещь вообще, животное вообще, организм вообще? Таких общих представлений не может быть. Между тем такие общие понятия существуют и характеризуются полной отчетливостью и определенностью.

Но это мы сравнивали строго логические понятия с чистыми представлениями. В действительности мы не обладаем обыкновенно ни теми и ни другими. Мы пользуемся несовершенными понятиями – чем то средним с большим или меньшим наклоном в ту или другую сторону – между понятием и представлением. Представления преобразуются в понятия постепенно. Сначала мы имеем представление реки, затем на

уроках физической географии это представление преобразуется в понятие. Искусственные школьные условия нередко заставляют нас менять представление на понятие, но по–естественному ходу развития должна совершаться не смена, должно происходить преобразование. Движение от представления к понятию совершается посредством суждения. Суждение объясняет или оценивает представление. Оно сознательно устанавливает связь признаков в единичном представлении, и оно утверждает или видоизменяет связь признаков в представлении общем. Но не есть ли в таком случае суждение одно и то же с понятием? Грамматически понятие и суждение различаются легко. В общем – понятие есть подлежащее. Это – прежде всего, далее сказуемое, дополнение, но всегда только один член предложения. Суждение есть предложение. Черный ворон и ворон черен. Первое выражение есть понятие, второе – суждение. Первое выражение может быть лишь частью предложения, следовательно, лишь частью речи. Взятое отдельно оно не дает мысли. Второе выражение есть предложение, есть речь. Но не ограничивается ли здесь все дело грамматическим различием? Нет, иногда понятие может состоять из предложений и все–таки оно не будет суждением. Александр, победивший народы, не мог победить самого себя. Победивший народы – равно предложению и на некоторых языках только и может быть выражено в форме: который победил народы. Однако «Александр, победивший народы», есть понятие, а не суждение. Александр победил народы, есть суждение. Различие между понятием и суждением позволительно, думается, выразить в такой форме, которая, однако, нуждается в оговорках и разъяснениях. *В понятии предмет мыслится в совокупности своих признаков, в суждении определяется взаимоотношение двух или более предметов.* Мудрый Сократ – и Сократ есть мудрец – суть понятие и суждение. В первом мы мыслим мудрого Сократа, как нечто целостное, и мы не мыслим ничего кроме Сократа, во втором мы рядом с образом Сократа поставляем более общий образ мудреца, и мы приходим к заключению, что понятие Сократ находится в объеме понятия мудрец. Для выяснения предложенной формулы различие между понятием и суждением должно обратить внимание, что одно и то же понятие можно рассматривать то, как признак, то, как предмет. Это не согласуется с обычным разделением понятий на абстрактные и конкретные, из каковых первые суть свойства, а вторые предметы. Но у нас уже была речь, что конкретны в действительности лишь индивидуумы. Человека вообще также не существует, как не существует разумности. Существуют лишь разумные и неразумные Иваны. Всякое общее понятие есть совокупность признаков. Только индивидуум

не может быть рассматриваем, как признак, но индивидуум не может быть сказуемым суждения. Все же что может быть сказуемым, есть признак или сумма признаков. Ньютон был гений. Этим мы утверждаем, что абстрактный признак разумности принадлежал Ньютону в высшей мере, чем другим людям. Но с другой стороны и каждый признак мы можем рассматривать как предмет. Если мы отвлекаем признаки разумности, известного телесного облика, от людей и создаем образ человека, то также мы можем отвлечь белизну от снега и сахара. Различие, по-видимому, ясное: за свойством не скрывается субстанция, за белизной не мыслится сущности, напротив, предмет, сахар, снег – предполагают собой совокупность свойств. Но если взглянуть на дело с другой стороны, то, пожалуй, свойства окажутся более реальными, чем предметы. Ведь белизна есть проявление чего-то, какой то субстанции, и мы имеем все основания думать, что это что-то причина белизны, тождественно в снеге и сахаре. То, что производит белизну, есть некоторая сила, сущность, воздействующая на нас, и она может быть мыслима нами, как реальность. Вместо этой силы, непосредственно нами не наблюдаемой, мы можем трактовать, как реальность, ее проявление. Ведь, сущность мы и нигде не наблюдаем и везде имеем дело лишь с явлениями. Что такое радуга? Есть ли это нечто абстрактное или конкретное? Последовательный сторонник разделения понятий на абстрактные и конкретные, должен признать понятие радуги абстрактным. Радуги, как семицветной ленты, не существует. На самом деле это есть наша субъективная окраска дождевых капель, падающих перед нашими глазами при известных условиях в ту пору, когда солнце находится позади нашей головы. Точно также мы говорим о дождевой струе, как о конкретной величине, но дождевой струи не существует, а существуют лишь отдельные дождевые капли, которые только для нашего несовершенного глаза сливаются в одно целое. Поскольку радуга признается нами чем-то конкретным, постольку может быть признан конкретным и каждый из радужных цветов. Значит, рассуждая последовательно, мы и красноту можем трактовать, как реальность. Общий итог нашей речи таков. Считая свойство или явление, какое бы то ни было, знаком сущности (реальности), мы можем всякое свойство рассматривать как реальность. Рассматривая всякую совокупность свойств независимо от определенного их носителя (индивидуума), мы можем трактовать такую совокупность – человек, животное, как абстракцию. Применяя это к нашему определению понятий и суждений, мы получаем следующее: в понятии мы имеем одну реальность, мыслимую, как одно со всеми своими признаками, в суждении

мы решаем вопрос о соотношении двух реальностей. В понятии мы ничего не решаем, ничего не судим. В понятии мы имеем одно. Для того чтобы явилось суждение, его нужно соотнести, с чем-либо другим. Лондон есть понятие, Лондон существует – есть суждение. В понятии Лондона мы, конечно, мыслили признак существования, но в суждении мы выделяем этот признак, как нечто самостоятельное само по себе, существует в данном случае равно: существующий город. Существующий город по обычному определению есть конкретное понятие, есть обозначение реальности, следовательно, в настоящем случае, мы имеем соотношение двух обозначений реальностей или, так как наше мышление предметно, соотношение двух предметов.

В отношении к суждениям и представлениям, понятие может быть определено, как представление усовершенствованное или улучшенное посредством суждений. Понятия вырастают из представлений при помощи суждений. Но как это ни странно, этот продукт логической работы редко находит себе место в современных логиках. Вместо понятий логики, трактуют об именах и терминах. Это словоупотребление, получившее широкое распространение, трудно оправдать, хотя с ним и приходится мириться. Что такое имя? Название вещи. Проектируют в Москве некоторые улицы, по примеру западных городов, назвать именами выдающихся русских писателей. Назад тому несколько лет один переулок в Москве носил имя Газетного, теперь он называется Камергерским, а под Газетным разумеют, кажется, его часть. Но именно логика учит нас, что с логической точки зрения, значение всех таких перемен равно нулю. Пусть все эти перемены совершатся. Под новыми именами мы будем разумеать старые вещи. У нас останутся старые представления и старые понятия. Не имена нам нужны и дороги, а то, что мы разумеем под именами. Имя, слово есть случайный знак для вещи и сами по себе слова должны быть предметом не логического, а филологического анализа. И на самом деле то, что мы читаем в логиках об именах, относится не к именам, не к словам, а к понятиям. Милль в своей логике делит имена на конкретные и абстрактные – обозначения предметов и признаков. Он настаивает на различии общих имен, напр. человека, и имен абстрактных, напр. разумности. Милль рассуждает об именах общих и индивидуальных. Вся эта речь основывается на анализе признаков того, о чем идет речь. Не имя анализирует Милль, когда говорить, что слово «цвет» обозначает класс признаков и есть имя общее, а слово «равенство» обозначает отдельный признак, не изменяющийся ни по степени, ни по роду, и потому подходит под понятие единичного. А потом высказывает признание, что и эта

классификация не вполне подходит к этим именам. Ясно, что здесь идет речь о понятиях и их классификации, а вовсе не о вербальных наименованиях. Должно различать слово, понятие и вещь. Мы имеем собственно понятия о вещах, слова мы употребляем, как сокращенные знаки понятий, но вследствие предметного характера нашего мышления мы разумеем под понятиями вещи; подставив вместо понятий слова, мы разумеем вещи под словами. Так, в конце концов, словом вытесняется и мысль, и факт. Но должно твердо помнить истинную природу этих родов существующего и должно ставить мысль в правильное отношение к словам и фактам.

В некоторых логиках вместо имени фигурирует слово термин. Здесь рассуждением о терминах заменяют рассуждение, о понятиях. Этот прием, вызывая против себя все возражения, которые вызывает замена трактата о понятиях трактатом, об именах, вызывает еще некоторые специальные возражения. Под терминами разумеются обыкновенно слова для обозначения научных, технических, правовых и т. д. специальных понятий. Посылка есть термин в логике, и посылка есть термин на почте. Само слово термин служит в логике термином: малым термином называется подлежащее заключение в силлогизме, большим термином сказуемое заключение, средним термином – понятие, устанавливающее в посылках, т.е. предложениях, из которых делается заключение, связь между большим и малым термином. Так, термины суть слова для обозначения многих классов понятий, но не всех понятий. Когда в логиках рассуждают о терминах, как об именах, то произвольно вопреки общему употреблению расширяют значение слова термин. А затем опять говорят не о словах, а о понятиях. Само слово термин, как знак понятия, должно признать выбранным удачно. Термин латинское *terminus* значит граница, но полагать чему–нибудь границу, значит полагать предел, определять. Термин есть определение. Понятие есть мысль, исчерпывающая предмет. Термин есть знак определения. Но только тогда слово будет термином, когда его безмолвно или громко, т.е. по молчаливому или явно выраженному согласию все или многие признали знаком логического определения. Логика, силлогизм, дедукция, индукция являются терминами. Но когда слово употребляется, не скрывая за собой определения, данного наукой или законом, его нельзя назвать термином. Пусть даже закон и наука употребляют его как знак определения, и утилизируют его в своих целях, но если его обычное употребление ставить независимо от науки или права, то его не считают термином. Слово «дом» не есть термин. Не термин и слово «жилище».

В курсах французских логик нередко под терминами понимают обозначение идей, а под идеями понимают понятия. Я упоминаю об этом лишь для того, чтобы это имели в виду при чтении французских логических трактатов. Тем более, что слово идея употребляется и в значении, отличном от понятия. Понятие есть мысль о предмете, и идея есть мысль о предмете. Но понятие, как это согласно с филологическим происхождением слова, есть мысль, схватившая предмет, а идея, как это тоже согласно со значением слова (*ιδέα εἶδος* – вид, образ) есть мысль, предвосхищающая существование предмета, предызображающая предмет. Идея есть мысль, которая должна стать действительностью, реализоваться; понятие есть мысль об этой осуществившейся действительности. Мысль в своей реализации обыкновенно осуществляет себя не всецело, действительность часто оказывается ниже замысла, реальность, таким образом, не вполне отражает в себе идею, а понятие не вполне схватывает даже реальность. Вы знаете, что согласно с философией Платона есть умопостигаемый мир идей, несовершенным отражением которого является мир действительный. Из этой философии уже на христианской почве развилась теория, что существуют высшие нормы – нормы идеальные, в осуществлении которых человек далеко отстает от того; что они намечают и требуют. В нравственной области эту теорию каждый может проверить на себе. Мы постоянно сознаем, что должны поступать так то, а поступаем иначе, сознаем свое несоответствие своему идеалу. Это различие значения идеи, как первообраза или должного образа вещи, и понятия, как мысли о том образе, в котором вещь явилась, нужно иметь в виду, но нужно иметь в виду также, что это различие не всегда помнят, и что слово идея на русском языке нередко употребляется просто в значении «мысль».

Теперь, когда мы составили себе понятие о понятии, о его обозначениях и о возможных недоразумениях в деле этих обозначений, должно обратиться к рассмотрению соотношения понятий. Большая часть понятий, суть общие. Замена индивидуального понятия общим имеет и экономическое и гносеологическое значение. Вместо того, чтобы мыслить индивидуальный предмет со всеми его признаками, я мыслю то общее понятие, под которое он подходит, и в этом понятии мыслю лишь то, что мне нужно. Н врач, окулист. У меня болят глаза. Мне нужно только свойство Н, как глазного врача. Правда в этих свойствах могут быть индивидуальные черты, которые приходится иметь в виду и с которыми нужно считаться. Но мне нужно в Н лишь то, чтобы он подходил под понятие хорошего и добросовестного окулиста. Так и постоянно в жизни

бывает нужно от людей и предметов лишь то, чтобы они подходили под те или другие общие понятия. Оказывается ненужным в массе случаев изучать и запоминать индивидуальные подробности. Эта возможность и постоянный факт замены частного общим, понятно, представляет громадную экономию для мыслительных сил человека. Но кроме экономического, подведение индивидуальных понятий под общие, имеет громадное гносеологическое (познавательное) значение. Мы не двинулись бы ни на один шаг вперед в области познания, если бы не происходило постоянной замены единичного общим. Подводя единичное под общее мы, ведь, если с одной стороны забываем о некоторых индивидуальных подробностях, то с другой приписываем индивидууму и те признаки, которые в нем не наблюдали, но которые существуют в том виде, к которому мы его отнесли. Мы увидели животное и говорим: это лисица, потому что нашли в нем ряд признаков, принадлежащих лишь роду лисиц. Но мы не наблюдали, чтобы эта лисица ловила зайцев или истребляла кур и, однако не сомневаемся, что она будет делать то и другое. Подведение индивидуального понятия под общее здесь является не только устранением и забвением индивидуальных особенностей, но и привнесением в данные наблюдения того, что в наблюдении непосредственно не было дано. Было сделано заключение от известного к неизвестному. Процесс обобщения является, таким образом, не сокращением только содержания нашего познания, но и процессом расширения этого познания. Процесс обобщения сводится к тому, чтобы вычеркивать из нашего познания ненужное и привносить в него то, что нужно.

Мы уже высказали, что не всякий процесс обобщения может вести к такой благотворной двойной цели. Нередко обобщения могут создавать двойной вред. Во 1-х ими могут устраняться из признаков вещи характерные, и во 2-х при неправильном подведении индивидуальной вещи или существа под высшее понятие мы наделим его такими признаками, которые ему не принадлежать. Т. е. таким образом, вследствие процесса обобщения мы потеряем знание истинное и приобретем знание ложное. Это очень легко может случиться в зоологии, ботанике, и это нередко случалось в прошлом. Новые виды в новых местностях отождествлялись со старыми видами в местностях известных. Таким образом, упускалось познание новых видов и для места жительства старых указывались такие, где они на самом деле не жили. Это результат прямых ошибок в деле обобщения, но и правильное обобщение, как мы уже говорили, не всегда может быть плодотворным.

Искусство обобщения есть дело специальных знаний и дело таланта. Для того, чтобы построить систему, которая обнимала бы весь растительный мир и на вершине которого стояло бы растение, а внизу определенная яблоня или одуванчик, нужно знать растительный мир и понимать взаимоотношение растений. Изучение логики не дает ключа при классификации моллюсков или папоротников, но изучение существующих классификаций дает материал логике при определении принципов, которыми руководятся в деле классификаций и для оценки этих принципов. Принципы для классификации и определений можно видеть выраженными в *praedicabilia* – пяти знаменитых сказуемых в средневековой логике. Учение, впервые изложенным, находится у Порфирия (233–304 г. по Р. Х.) в его «Введении в категории Аристотеля» (*Εἰσαγωγή εἰς τὰς Ἀριστοτέλους κατηγορίας* иначе называемое *περί τῶν πέντε φανῶν* – о пяти изречениях). Понятия, индивидуальные, не могут служить сказуемыми. Александр Македонский не может быть сказуемым. Сказуемыми могут служить лишь понятия общие *universalia*, им и усвоено имя *предикабилій* т. е. с латинского сказуемых. В понятии различаются объем и содержание; с точки зрения объема понятия можно делить на родовые и видовые. С точки зрения содержания в понятии можно различать признаки отличительные, существенные, случайные. Вот эти пять понятий: род (*genus, γένος*), вид (*species, εἶδος*), отличие (*differentia, διάφορά*), особенное характерное свойство (*proprium, ἰδίον*), случайное (*accidens, συμβεβηκός*). Всякое сказуемое определяет или род, или вид, или отличительный, или существенный, или случайный признак подлежащего. Термин род и вид в логической классификации условны, и в этом отношении логическая классификация должна быть отличаема от естественно научной. С точки зрения современного естествознания вид есть совокупность организмов настолько сходных между собой, что их можно рассматривать, как имеющих одних и тех же предков. Но род–совокупность видов нельзя рассматривать таким образом. Хотя с точки зрения дарвинизма и различные виды произошли от общих родоначальников, но такое происхождение есть дело медленного процесса, ускользающего от индивидуального наблюдения и не доступного опыту. Таким образом, вид в естественно научных классификациях есть строго определенное понятие, о котором могут быть споры, но которое нельзя произвольно прилагать то к большей, то к меньшей по объему, группе организмов. В логике понятия род и вид условны. Человек родовое понятие по отношению к негру и видовое по отношению к животному. Установив понятия рода и вида, древние логики

указали только общий путь обобщения или разложения понятий, а указав какие признаки нужно искать в предмете, они схематически определили и метод классификаций. Предмет или группа предметов обособляются нами на основании, какого либо признака, упорно присутствующего в них и совсем не оказывающегося в других особях или предметах. Но этот признак может быть вовсе не существенным. Первое, что представляется отличающим зебру или квагу от лошади, это своеобразная окраска шерсти: поперечно темные полосы на светлом фоне. Но конечно вовсе не окраской обуславливаются все особенности зебр. Differentia дает только во многих случаях легкий способ обособить объект изучения, но дело изучения еще оказывается впереди. В изолированной группе особей или предметов ищут характерных признаков – в приведенном примере зебры изучают анатомические и морфологические признаки, затем отыскивают и отмечают признаки, у одних не встречающиеся, а у других встречающиеся. Причем понятия признака постоянного и признака случайного могут оказаться столь же условными, как понятия в логике рода и вида. Может оказаться, что признак, названный случайным, постоянен в известной группе особей, и эта группа может быть выделена в особый вид.

Каждая наука ведает свою группу понятий и расположение этих понятий в систему, в порядок по степени их общности для каждой науки есть дело лиц, специально ею занимающихся. И один и тот же предмет может быть объектом исследования с различных точек зрения и входить различным образом в различные классификации. Ботаник классифицирует растения известным образом. Фармакогнозия наука о внешних признаках и химическом составе необработанных лекарственных средств животного и растительного происхождения – тоже изучает растения, но она классифицирует их уже не самих по себе, а с точки зрения вырабатываемых ими продуктов, имеющих лекарственное значение. Фармакогнозии приходится изучать яды, вырабатываемые растениями. Технология волокнистых веществ тоже изучает растения в целях выработки из них тканей, для нее не имеют значения плоды, продукты, выделяемые растением, а прежде всего ей важно строение у растения волокон. Она выдвигает новый принцип исследования и классификации. Предоставим каждой науке классифицировать то, что она изучает, но что тогда останется классифицировать на долю логики?

Она должна классифицировать науки, классифицирующие – каждая – свои объекты исследования. Но классификация наук не может быть предметом обсуждения в отделе о понятиях. Она возможна лишь после

исследования методов познания. Отдел о понятиях должен предшествовать такому исследованию. Не имея дела с науками, этот отдел имеет дело с понятиями, которыми занимаются науки. Здесь не классифицируется ботаника, зоология, психология, социология, но здесь берутся высшие понятия этих наук – растение, животное, душа, общество, и ставится вопрос: на чем должен остановиться процесс обобщения понятий, дальше каких понятий дело обобщения не может вестись? На эти вопросы логика издавна пыталась отвечать рассуждением о категориях.

Греческое слово категория (*κατηγορία*) значит собственно обвинение. Обвинять значит приписывать что-либо предмету или лицу, сказывать что-либо о предмете или лице. Отсюда – категория получила значение сказуемого. Но не всякому сказуемому логика усваивает имя категорий. Обычное словоупотребление сблизило понятие категории с понятием класса. Разделить что-либо по категориям – это, значит расклассифицировать что-нибудь. Но классификация есть подведение низших понятий под высшие. Таким образом, уже в обычном словоупотреблении значит, что категории суть высшие понятия. В различных философских направлениях термин категория употребляется не в одном смысле. Вообще однако, можно сказать, что в философии под категориями обычно понимаются такие высшие классы или такие высшие понятия – дальше которых идти уже некуда и на которые можно разделить или под которые можно подвести все и мыслимое, и действительно сущее.

Теория категорий развивалась уже в логике индусов. Они называли здесь *падарта* (значит: смысл, значение слов, *artha*–смысл, *pada*–слово). В системе Вайсешика, основанной Канадой насчитывалось 6 падарта: субстанция, качество, действие, общность, особенность, отношение. Комментаторами еще прибавлялась 7-ая категория, представлявшая собой отсутствие или отрицание 6-ти первых. Под категорию субстанции Канада поставляет тела или естественные деятели в следующем порядке: земля, вода, свет, воздух, эфир, время, пространство, душа, дух (о категориях в индийской логике см. Frank'a – *Dictionnaire des sciences philosophiques. Categorie*). Автор статьи подчеркивает сходство индийских категорий с греческими – Аристотелевскими. Но не нужно из этого сходства делать вывода о связи их по происхождению: самое вероятное, что они выработались независимо одни от других, по крайней мере, трудно допустить между ними зависимость в смысле исторической преемственности. С одной стороны в индийской логике есть примитивная необработанность – в учении о силлогизме. С другой – упрощенность и развитие сравнительно с аристотелевской логикой, хотя бы в вопросе о

категориях. Не было бы первого, если бы индийская логика вышла из греческой. И не было бы второго, если бы греческая логика вышла из индийской.

Творцом учения о категориях считается Аристотель. Он признал 10 категорий

1. Ουσία. SubstantiaСубстанция
2. Ποσόν Quantitas Количество
3. Ποιον Qualitas Качество
4. Προς τι Relatio Отношение
5. Ποιείν Actio Действие
6. Πάσχειν Passio Страдание
7. Που Ubi Место (пространство)
9. Κεῖσθαι Positio Положение
8. Πότε Quando Время
10. Ἐχειν Habitus Состояние (что имеет)

Каждое из слов по Аристотелю определяет или субстанцию, или количество, или качество и т. д. (*Περὶ κατηγοριῶν*. 11, 6). Категории Аристотеля можно сказать имеют и этимологическое (они: части речи) и синтаксическое (они: части предложения) и логическое (они: понятия) значение. Категории эти подвергались многократной и нередко суровой критике. В двух случаях действительно критика была бы права в своем осуждении их, 1-е, если бы оказались понятия, не подходящие ни под одну из этих категорий или 2-е, если бы оказалось, что объемы каких-либо категорий совпадают или пересекаются. Я приведу пример, который может быть, лучше поможет нам разобраться в этом вопросе. Пример этот, как легко можно видеть, не аристотелевский и категории в нем размещены не в том порядке, в каком они приведены мною.

8. В VI м. столетии до Р. Х.
 7. В Индии
 1. Гаутама Сиддарта,
 9. ставши Буддой (пробужденным, озаренным),
 10. обладая могучей нравственной силой,
 2. решительно
 3. в пессимистическом направлении
 5. преобразовал
 4. религиозно–нравственные воззрения многих из своих современников,
 6. много претерпев в борьбе с браминами.
- (цифры перед выражениями указывают, к каким категориям должны

быть выражения относимы). По-видимому даже в деятельности Будды трудно найти что нибудь, чего бы не захватывали категории Аристотеля. Скорее представляется возможность спорить, что этих категорий оказывается много. Так в понятие состояния, т. е. того, что человек имеет, естественно, ведь может входить и качество и количество того, чем он владеет. Без определения качества и количества понятие владения будет бессодержательным. В нашем пример понятия качества и количества определяют пятую категорию действия, но и действие обыкновенно само в себе включает мысль о его качестве, часто и количестве. Но если – с одной стороны – в категориях Аристотеля есть избыток, то с другой стороны, оставляя в стороне приведенный нами пример, в них указывают и недостаток. Так, говорят понятия надежды, отчаяния, куда должны быть отнесены в категориях Аристотеля? Точно также различные теории, различные учения и мнения? Нельзя сказать, чтобы в сочинениях Аристотеля, а он к вопросу о категориях обращался неоднократно, можно всегда найти ясный и точный ответ на недоумения, которые вызывает его теория, но едва ли тоже можно оспаривать, что ответ, вообще говоря, возможен. По определению Аристотеля субстанция есть конкретное понятие – единичное или общее. Надежда или белизна, понятно, не подходят в таком случае под категорию субстанции. Но надежда или белизна с этой точки зрения могут подойти под десятую категорию, отвечающую на вопрос, что имеет субстанция? Возможен другой взгляд на категории Аристотеля – грамматический. Категории – это различные части предложения. С этой точки зрения субстанция есть просто подлежащее и, понятно, таковым может быть и белизна, и надежда, и учение Аристотеля.

Несмотря на то, что нас отделяет от категорий Аристотеля более двух тысячелетий, его категории не изучены и не проанализированы в достаточной мере и доселе. Но поучительно, что с какой точки зрения к ним не подходить, в них открывается много замечательного. Если рассмотреть их с этимологической точки зрения, они расчленяют слова на существительные, прилагательные, глаголы различных типов и залогов, наречия числительные – я склонен даже сказать – союзы, потому что отношение при сравнениях обыкновенно выражается союзом чем (больше, меньше чем). Если взглянуть на них с синтаксической точки зрения, они заключают в себе подлежащее, определение, дополнение, сказуемое и обстоятельства различных типов. Но слова суть знаки вещей, и относительно Аристотелевых категорий ставили вопрос: определяют ли они все роды вещей, все роды существующего? На этот вопрос можно

отвечать и, да и нет, смотря потому какой смысл мы будем придавать вопросу. Все существующее можно подвести под категории Аристотеля и с этой точки зрения можно на поставленный вопрос дать положительный ответ. Но расклассифицировано ли это существующее в категориях Аристотеля по родам? Несомненно, нет. С одной стороны у него поставляется вещь, а с другой состояния и принадлежности вещи. Это все равно, как если бы мы, трактуя о растениях, с одной стороны поместили деревья, травы, а с другой – рядом с ними – ветви, листья, плоды, корни. Категории Аристотеля с логической точки зрения удовлетворяют не этому, а иному требованию, именно – они представляют собой схемы, заполнение которых дает полное определение вещи. Посмотрим на них с этой точки зрения. Мы полагаем все существующим в пространстве и времени, всему, что существует мы, приписываем активность и пассивность – способность действовать и свойство претерпевать воздействие от других. Могут сказать, что не все существует в пространстве, например, дух, и что не все способно действовать, например, материя. Но во 1-х, если бы даже оказалось, что не все подходит под все схемы, то схемы, ведь, должны существовать для всего и поэтому раз есть вещи, которые их требуют, они должны быть. Во 2-х, в опыте, которым мы располагаем, все вещи на самом деле подходят под указанные схемы. Дух, который мы знаем, т. е. людей и животных всегда оказывается заключенным в очень определенные геометрические размеры тела и приурочен к определенному месту. Затем материя, которую мы знаем, обладает активными силами – силой притяжения, упругостью, и если бы она не имела этих активных свойств, мы бы не узнали ее существования, потому что под нашим воздействием она отступала бы, как пустота. Материя сопротивляется нашему воздействию. Говорят: это сопротивление пассивное. Но на самом деле выражение пассивное сопротивление включает в себе внутреннее противоречие: всякое сопротивление активно. Простой – хотя и грубый пример – может разъяснить это. Человека насильно выводят из комнаты. Если он окажет малейшее сопротивление тому, чтобы его вывели, это будет сопротивление активное. А если он позволит взять его, как угодно и понести, как труп, здесь не будет сопротивления, как здесь не будет и содействия тем, кто требовал его удаления. Активность обуславливается атрибутами субстанции, тем, что она имеет, эти атрибуты характеризуются качествами и размерами. Субстанция через свои атрибуты проявляет себя в действии на что-либо, но будучи связана с другими субстанциями (ее пассивная сторона), она претерпевает нечто от

других субстанций. Рассмотренная подробно со всех этих сторон, субстанция и будет исчерпана, но эти стороны и суть 10 категорий Аристотеля:

8. Время.
7. Пространство.
1. Субстанция.
10. Ее активная сторона (атрибуты).
9. Ее пассивная сторона (способность претерпевать воздействия).
2. Количество
3. Качество свойств, присущих субстанции
5. Действие производимое субстанцией на другие субстанции.
4. Отношение
6. Воздействие (получаемое от вне, от других субстанций).

Могут сказать, что одни категории здесь разъясняют другие, что поэтому их можно было бы представить, как дальнейшее разделение высших категорий. Например, качество и количество по отношению к атрибутам, к тому, что имеет субстанция. Но должно обратить внимание, что качеством и количеством может быть измеряемо и то, что претерпевает субстанция. Таким образом, качество и количество нельзя рассматривать, как подчиненные точки зрения по отношению к тому, чем владеет субстанция, они равноправно связываются и с другими категориями. Вообще о категориях Аристотеля должно сказать, что доселе было делом, более плодотворным их изучение и исследование, стремление их понять, чем их критика.

Из дальнейших учений о категориях полезно остановиться только на воззрениях Канта. Для Канта категории не роды вещей, а априорные формы рассудка, в которые рассудок укладывает опытом познаваемый материал. Кант признавал существование априорных форм чувственности – пространства и времени. Все то, что мы получаем в ощущениях, мы представляем в пространстве и времени. Пространство и время дают нам геометрический и хронологический распорядок познанного материала. Познанный материал расчленен в пространстве и времени (в чувственности), его нужно объединить в понятиях (в рассудке). Рассудок должен обсудить материал познания. Результаты обсуждения выражаются в суждениях. Существующие типы суждений определяют и типы категорий. Кант, как известно, признал 12 родов суждений (4-х частное деление по три типа в каждом –12): по количеству: общие, частные и единичные; по качеству: утвердительные, отрицательные и бесконечные; по отношению: категорические, гипотетические и разделительные; по

модальности: проблематические, ассерторические и аподиктические. Сообразно с этим Кант признал следующие категории: первые шесть – математические; последние шесть – динамические, потому что в них предполагается взаимодействие.

1) по количеству: единичность, множественность, всеобщность.

2) по качеству: реальность, отрицание, ограничение.

3) по отношению: обладание и принадлежность (субстанция и акциденция). Причинность и зависимость (причина и действие). Общность (взаимодействие между причиняющим действием и его претерпевающим).

4) по модальности: возможность – невозможность. Бытие – небытие. Необходимость – случайность.

Таким образом, основных категорий Кант признает 4: количества, качества, отношения и модальности. Не трудно показать, что категории качества на самом деле суть дифференциация одной из категорий модальности – именно бытия. *Realität* в категориях качества соответствует *Dasein*, *Negation* соответствует *Nicht*, а ограничение (*Limitation*) есть, как все 3-и категории в каждом из делений, категория выводная из первых двух. Таким образом, у Канта остаются три категории количества, отношения и модальности. Так как категория модальности решает вопрос о существовании предмета, то она может быть признана категорией субстанции. Так как под отношением Кант понимает причинность, то это будет категорией причины. Третьей будет категория количества. Кант в своем разъяснении своих категорий говорит, что эта категория определяется числом. Мне представляется странным, как Кант мог допустить такое утверждение, когда уже Аристотель выяснил, что так утверждать нельзя. В своем анализе категорий количества Аристотель указал, что существует два рода величин – прерывные и непрерывные. Примерами первых являются числа, речь, примером вторых – линии, поверхности, пространство, время. Дело в том, что не всякая величина может быть выражена числом, число предполагает собой прерывистость, совокупность особей, единиц. Но мы знаем очень много непрерывного в мире. Что величина, непрерывная, очень часто не может быть выражена в числах, это узнает каждый школьник при первом знакомстве с извлечением квадратных корней. Если сторона квадрата равна 1, то диагональ его не может быть выражена никаким числом, так как она равна $\sqrt{2}$. Я делаю это замечание о пропуске у Канта не для того, чтобы унижить Канта. Его гений бесспорен и велик. Но я хотел бы этим указанием сделать яснее гений Аристотеля.

Если мы к трем категориям, добытым нами у Канта, присоединим две

его априорные формы чувственности – пространство и время, то мы получим пять категорий: пространства, времени, субстанции, причины и количества. Пространство и время мы разьяснять не будем. Под субстанцией мы разумеем вещь с ее свойствами и законами существования, рассматриваемую в статическом состоянии, т. е. вне действия. Категория причинности принуждает нас рассматривать вещь во взаимодействии с другими вещами. Только при этом взаимодействии возможно измерение действия. Пустое пространство и пустое время измерять нельзя. Вещь, если ее взять независимо от других вещей, также измерять нельзя, потому что измерение есть сравнение. Всякое измерение предполагает существование тождественного, различного и сходного. Согласно представленным пяти категориям мы при вопросе о какой-либо вещи должны определить место и время ее бытия, ее свойства или ее содержание, ее отношение к другим вещам и должны измерить и место, и время ее существования, и ее свойства, и ее действие, и воздействие на нас других вещей. Этот акт измерения соединяется со всякой категорией, потому что все нами познается через сравнение.

Всякая вещь и активна и пассивна, т. е. действует на другие вещи и воспринимает действие от других. Малейшая частица вещества притягивает к себе всю вселенную и сама притягивается всею вселенной. Но ясно, что и активность, и пассивность у различных вещей различны. Если мы станем пространство и время рассматривать, как вещи, то мы увидим, что они не имеют никакой активности, ничему они не оказывают никакого сопротивления. Нам представляет труд переходить из одного места в другое, потому что нашему передвижению препятствуют окружающие нас вещи, а само по себе пространство нисколько бы не затруднило нас. В геологии постоянно говорится о времени, как факторе, производящем перемены на земной поверхности. Но это неверное выражение для верной идеи. Малые изменения поверхности, совершаясь непрерывно, суммируются в колоссальный результат, потому что совершались многократно, а не потому, что они совершались в течение долгого времени. Нас старит не время, а перемены, которые мы испытываем во времени. В материи, признавая в ней действие различных видов энергии, мы должны признать активность и пассивность. Но очевидно в ней еще преобладает пассивность. Без внешних воздействий материя не проявляет стремления к действию. Древние даже совсем не предполагали в ней активности, и, так как бытие мыслится, как деятельность, они в ней материя, как недеятельную называли $\mu\eta\ \omicron\upsilon\varsigma$ – не сущее. Активность значительно выступает в растениях, еще более в

животных, наиболее – в человеке. Было бы весьма поучительно расклассифицировать все вещи с точки зрения сил и свойств, которыми они обладают. Но здесь для логики представляются большие затруднения. Мы не знаем всех вещей и сил, действующих в мире, и различно истолковываем, и то, что знаем. Если пространство и время абсолютно пассивны, если далее мы видим скалу существ, в которых постепенно начинает ослабевать пассивность и возрастать активность, то, говорят, на полюсе, противоположном абсолютной пассивности, должна быть мыслима абсолютная активность – сила, которая все производит и изменить которую и воздействовать на которую никто не может, т. е. должна быть абсолютная субстанция – Божество. Но не все признают бытие Божье. Некоторые склонны называть Бога великим нулем. Значит, нам и нельзя построить такой классификации видов бытия, которую бы все приняли. Положим, это не снимает с нас обязанности строить ее для себя, но мы должны помнить, что ее примут не все. Далее на дух и материю существуют различные воззрения. Резко расходятся в определении их взаимоотношения. О силах духа и даже силах физических существуют самые разноречивые учения. Самые общие понятия, в конце концов, оказываются и самыми трудными, и самыми спорными.

Трудность категорий и притом не только категорий высших, но и категорий третьего, четвертого порядка, т. е. попросту всякой классификации, объясняется еще следующим. Задача категорий – разделить вещи или обособить свойства вещей, но это разделение по существу противно самой природе вещей. Мир есть космос, т. е. нечто, в чем все находится в связи, где нет ничего изолированного. Ни одна вещь не существует и не может существовать вне и независимо от других вещей. Попробуйте представить себе существование какого-нибудь стола независимо от остального мира. Теперь он имеет определенный вес. Если мы его обособим от мира, то этот вес исчезнет, так как он обуславливается притяжением земли. Он имеет цвет – но цвет обуславливается присутствием внешнего света. Удалите этот свет и цвет исчезнет. Как можем мы мыслить в нем какую-либо температуру, когда вне его нет никакой температуры. Если бы наш стол оказался единственным предметом нашей мысли, то он стал бы немислимым. Но если вещь нельзя вырывать из цепи бытия, то тем более немислимо разлагать вещь на ее свойства. Понятно, что нельзя разделить кристалл на его твердость, удельный вес, лучепреломляемость, электропроводность, геометрическую форму и размеры. Наши категории и классификации обуславливаются не природой вещей, а ограниченностью нашего мышления. Бытие

непрерывно, но мы не можем схватить непрерывной бесконечности, мы изучаем лишь прерывную конечность. Неразделимый в действительности космос мы насильственно дробим в нашей мысли. Приемы нашего изучения мира по частям могут становиться все совершеннее и совершеннее, но действительность навсегда останется не имеющей в себе частей, классов, видов и поэтому наши категории и классификации никогда не дадут отражения действительности.

Чтобы познать действительность, мышление принуждено извращать действительность.

1) В потоке мировых явлений человек не видит ни начала, ни конца, в группах предметов, он не видит такой особи, которую можно было бы действительно выделить из круга вещей и представить как нечто обособленное и законченное. Совершенно напрасно некоторые утверждают, что понятие бесконечного образуется через отрицание конечности, что бесконечное есть понятие отрицательное. Наоборот, понятие конечного образуется через создание искусственной и не отвечающей действительности границы факта или явления. Возьмем для примера яблоко. По-видимому, это – отдельная особь, имеющая определенную геометрическую форму, вес, цвет, твердость. Но на самом деле его вес есть его отношение к земному притяжению, к земле, которая связана с солнцем, которое связано со всей вселенной. Вырвать яблоко из этой связи невозможно. Оно не есть самодовлеющая единица, оно есть элемент, часть бытия существующая неразрывно с бытием. Попытка нашего мышления представить его обособленно есть попытка представить, объект в противоестественных, в невозможных условиях. Наблюдению, бытие представляется, как единое, которое нельзя разлагать на ряды конечных величин, потому что все существует в связи со всем остальным и вне этой связи существовать не может. Но мышление человеческое не может сразу мыслить все. Даже мысля об одном солнечном луче, оно не может вместе с ним пройти бесконечное пространство, оно следит лишь за частью его пути, представляя, что далее он является настолько слабым, что его можно не считать существующим. Мышление отрывает часть от целого и пытается рассматривать часть, как целое. Мышление обсуждает вопрос о цвете яблока, забывая, что этого цвета не существует без внешнего света. Так мышление создало понятие конечности и обособленности, которым ничто не может соответствовать в действительности.

2) Противоречие между мышлением и действительностью резко открывается в том, что мышление всегда, ищет общего, действительность

всегда представляет только частное. Это удобнее всего проследить на детском мышлении. Когда маленькому ребенку показывают какой-либо предмет и называют его, название немедленно становится у него сказуемым для многих сходных предметов. Назвали ему незнакомого мужчину дядей, и всякий новый мужчина будет для него дядя. Если его познакомят с собакой, назвавши ее Жучкой, то всякая новая собака, даже похожее на собаку животное, будет для него Жучка. Всякий признак, всякое свойство, наблюдаемые в действительности, индивидуальны и не повторяемы. Для того, чтобы индивидуальное превратить в общее, нужно исказить его, нужно не заметить или забыть нюансы. Плохое зрение, слабые органы чувств, плохая память вместо предмета оставляют в голове человека схему предмета, схему такую общую, которая может подходить к тысячам предметов. Но такой схемы не существует в действительности. Сказуемое всегда приписывает подлежащему то, чего нет и не может быть. Жидкость налитая в этом стакане есть вода. Вот суждение, по-видимому, из типа самых простых и правдивых. Но вникнем в него. Химически чистая вода обозначается формулой НО, но химически чистая вода есть абстракция, не существующая в действительности. В действительной воде всегда имеются примеси, пусть даже неуловимые для анализа, но раз в воде что-либо растворено, хотя бы только воздух, это будет уже не вода, а специфическая жидкость. И в каждом отдельном случае мы имеем особую жидкость, которая по своему химическому и механическому составу в сущности единственна и не имеет себе тождественной жидкости. Не много нужно анализа, чтобы выяснить, что не повторяема температура, не повторяем вес. Каждое явление, каждый предмет в мире единичны и подведение их под общую схему есть насилие над природою вещей.

3) В природе нет ничего неподвижного, нет, и не может даже быть прямолинейного движения, потому что каждая самонаименьшая частица двигается под воздействием множества различных и постоянно действующих сил. В природе существуют только процессы, а не факты. Но мысль хочет знать только факты, а не процессы. Камень падает на землю, сила тяжести действует на него постоянно и его скорость изменяется непрерывно, но мышление не овладевает этой непрерывностью, оно ищет элемента времени, для которого скорость камня можно бы было считать постоянной. Оно берет среднюю скорость секунды, среднюю скорость другой секунды и оно строит возрастающую арифметическую прогрессию, согласно которой камень меняет скорость через каждую секунду. Но на самом деле это совсем не так. Все рассуждения о движении небесных тел в солнечной системе ведутся так, как будто эти тела через различные сроки

возвращаются к тем же исходным пунктам. Но они не возвращаются к ним никогда. Тех эллипсисов, по которым представляют двигающимися планеты, не существует. Ни к чему на самом деле не могут быть применены и законы Кеплера о сохранении площадей и об отношении квадратов обращений к кубам средних расстояний от солнца. Если мы возьмем какую-либо планету и попытаемся начертить действительно совершаемый ею путь, то, пожалуй, задача окажется невозможной. Три основные движения каждой планеты, суть: 1) вокруг оси, 2) вокруг солнца и 3) вместе с солнцем. Но кроме этого на кривую пути влияют планетные притяжения и возможно ведь, что и солнце имеет несколько движений, не говоря о его движении вокруг оси. Наконец, при каждом перемещении планеты изменяется ее отношение ко всему планетному и солнечному миру, изменяется и кривая ее движения. Таким образом, постоянного уравнения этой кривой составить нельзя. Такова действительность. Но мысль говорит: стой солнце и не двигайся луна. Делая неподвижным движущееся, мысль познает это движущееся. Мысль знает полнолуние, но полнолуния, ведь, не существует, полнолуние не наполняет и не занимает никакого времени, это – не имеющая геометрических и хронологических элементов граница, отделяющая период возрастания луны от ее ущерба.

4) Каждую вещь в нашем мышлении мы можем дробить до бесконечности. Какой бы нам ни был дан объем, вес, какое бы ни было дано малое количество электрической, световой или тепловой энергии, мы всегда представляем возможным деление этого объема или энергии. Представим себе, что во всей вселенной температуры оказались бы уравновешенными, но в каком либо самомалейшем атоме был-бы избыток теплоты на 1° , разделенный на миллиард в миллиардной степени, тогда этот избыток должен бы был равномерно распространиться, т. е.делиться по материи всей вселенной. Этот вывод подсказывается действительностью, теория допускает всевозможные деления, но мышление наше утомляется этим процессом дробления и ищет остановиться на неделимых элементах. Оно объявляет неделимым то, что подлежит делению. Так явились понятия атома, индивидуума. Растение обычно трактуется, как индивидуум, хотя его можно резать на такие части, из которых образуются целые растения. Но если с одной стороны мышление останавливает процесс деления там, где он имеет место, то с другой стороны мышление *постоянно* делит то, что абсолютно неделимо. Мышление отдельно рассматривает различные свойства вещи, стоящие между собою в функциональной зависимости и неразрывной связи. Минералогия отдельно рассматривает кристаллографическую систему минерала, его физические свойства и

химический состав. Но разве геометрическая форма кристалла не есть функция его физических свойств и разве физические свойства и химический состав не представляют собой неразрывного единства. Любопытно, что мышление множества переходит в единство. Совокупность единиц оно рассматривает как группу и под тремя, пятью мыслит какое-либо единство, 3 аршина оно превращает в сажень и 500 сажень в версту. Но с другой стороны единство мышлением разрешается во множество и гексагональная структура снежинки, ее удельный вес, меньшей, чем у химически тождественной с ней воды и ее состав (H₂O) являются как бы элементами, обсуждаемыми совершенно обособленно и потом приурочиваемыми к чему то единому.

5) Мышление систематизирует и классифицирует явления. Оно подводит под один род существа, о которых предполагает, что они имеют тождественные существенные признаки и у которых оказывается различие в признаках несущественных. Но разве на самом деле возможно различие в несущественных признаках при тождестве в существенных? Различие в цвете волос при тождестве организации? Конечно, невозможно. Различие в самомалейшей детали организма предполагает собой различие во всех частях организма, но различие это оказывается слишком малым и неуловимым. Наблюдение и мышление пренебрегает им. Создаются видовые понятия. Мы знаем зоологическое понятие волка. Такого волка никогда не существовало и не будет существовать. Но мы подводим под это понятие встречающиеся нам животные особи. Мы создали понятие двусемядольного растения. Но такового не существует. Груша, которую я вижу перед собой, двусемядольная, то же я должен сказать о находящемся перед моим взором персиковом дереве, но и у того, и у другого дерева семенные доли специфичны и для меня немыслимо представить двусемядольное растение вообще. Говорят о том, что в зоологии, ботанике должна быть введена в классификации естественная система, но на самом деле понятие «естественная система» заключает в себе внутреннее противоречие, ибо в природе нет систем. Всякая система или недостаточно естественна или недостаточно систематична. С точки зрения Дарвиновской теории каждый организм можно рассматривать как связующее или промежуточное звено между двумя какими-либо растениями или животными. Ничего неизменного и безусловно устойчивого в организме нет. Все имеет тенденцию к изменчивости. Организм есть процесс, как и все в природе и притом процесс не повторяемый. Что же в таком случае представляют собой наши зоологические и ботанические номенклатуры? *Условное отождествление*

сходного или, следовательно, условное отождествление нетождественного.

Точно также наша умственная ограниченность побуждает нас мыслить о мире в системе. Мы вносим в явления идею порядка и только благодаря привнесению этой идеи мы познаем явления. Эта идея часто вносится искусственно. Астрономия знает закон Тития–Боде, согласно которому планеты расположены от солнца в расстояниях определяемых некоторой арифметической прогрессией. На самом деле такого закона нет. В физической географии подобным образом пытаются устанавливать законы. На севере материка расширяются, к югу суживаются. Для этого факта подыскивают принцип. Но прежде всего самое это обобщение ценно ли? Север Америки вполне ли подходит под него, а юг Австралии? На самом деле, он не подходит совсем. Но мышление обобщает, нивелирует различия, создает искусственный порядок. Мышление создает группы, устанавливает подобие и аналогии групп. Но мир есть нечто единое, в котором процессы не повторяются. Но разве можно единое назвать системой? Каждый элемент единого в сущности един. Двух тождественных клеток в организме нет, и никакой признак не принадлежит двум клеткам тождественных образом. Но если так, то, какими же сказуемыми можно определять элементы организма? Всяким сказуемым подлежащее подводится под род. Но роды и виды – фиктивные понятия, каждая особь, каждый элемент особи не повторяемы, ни в каком из признаков.

б) Мышление познает вещи через сравнение. Лучше уже, больше, меньше, это слова, постоянно пускающиеся в ход при определении различных предметов. Идеалом познания является, возможно, большая точность сравнений. Самые точные сравнения выражаются математическим языком посредством чисел. Познать, говорят, значит, измерить; измерить значит определить отношение предмета и его свойств к некоторым единицам объема, веса, твердости. Этот способ познания утверждается на трех ложных предположениях. Прежде всего, на идее тождества. Числа 2, 3 обозначают, что в том отношении, в каком совершается рассмотрение, предполагается существование тождественных объектов: 2 аршина, 3 фунта. Но на самом деле этому предположению не отвечает действительность. Мы уже говорили о не существовании тождественного. С точки зрения чисел выяснить эту истину легче всего. Мы имеем перед собой два железных прута, в каждом из них по измерению 3 аршина, значит ли это, что длины их тождественны? Думается, нужно утверждать обратное. Эти пруты находятся не в тождественных условиях. Как ни как, хотя на одну тысячную градуса, но

непрерывно температура одного выше температуры другого. Если два прута при тождественных условиях тождественны по длине, то при различии условий – температуры, давления – они должны оказаться имеющими различную длину. Наоборот, тождество длины при различии условий положения – как бы ни было ничтожно это различие – указывает на то, что сами по себе длины данных прутьев различны. Точно так же странно говорить о тождестве веса, так как каждый пункт вселенной имеет свое специфическое напряжение тяжести, вдобавок постоянно меняющееся. В естествознании понимание того, что тождественное на самом деле, не тождественно, явилось уже давно. Барометр приводят к уровню моря, но то же естествознание выяснило, что уровни моря на самом деле не тождественны. Представьте себе сообщающиеся сосуды с водой различной температуры. Уровни их будут различны. Но сообщающиеся моря имеют различную температуру. Кроме того, нужно принять в расчет притяжение берегов – различное в различных местах, влияние луны и солнца. Второе ошибочное предположение всех измерений состоит в том, что всякая величина может быть выражена числом. Первые шаги в изучении алгебры и геометрии выясняют учащемуся истину, что для большинства случаев даже теоретически нельзя найти общей меры. Выдвигается принцип приближенных вычислений. Правда, алгебра показывает нам, что всякую величину – рациональную, иррациональную, трансцендентную можно выразить бесконечным рядом рациональных чисел (дробей), но точное суммирование такого рода возможно только для рациональных величин, т. е. для весьма незначительного количества предметов и явлений. По отношению же к большинству существующего и совершающегося приходится довольствоваться лишь приближенными величинами. Сам принцип вычислений часто странен. Определяют длину кривой. Выходят из предположения, что кривую можно рассматривать, как сумму прямых. Но как же можно рассматривать так кривую, когда по своей природе она такова, что ни в какой самомалейшей части не может совпадать с прямой? Прямая может пересекаться с кривой, в каком угодно количестве точек, смотря по роду кривой, но никакая кривая не может иметь с прямою общими две смежные точки. Какой смысл выражения, что такая-то дуга такой-то окружности имеет 2 аршины длины? В самом лучшем случае тот, что если разделить эту дугу на великое множество дуг, то сумма хорд их будет равна двум аршинам. Познать значит измерить, но анализ и исследование наталкивают нас на факт несоизмеримости и подсказывают мысль, что при таких измерениях, может быть, мы не найдем во всей

вселенной двух соизмеримых вещей. Третье ложное предположение, лежащее в основе измерений всякого рода, есть предположение каких-то абсолютных единиц, с которыми можно все сравнивать. Устанавливают единицы длины, времени, веса и т. п. Познание состоит в том, что познаваемый предмет выражается в единицах длины, веса и т. п. Но сами в себе эти единицы? Они не познаны нами, они в сущности X. Можно сказать, что познание состоит в определении отношений познаваемого предмета X к Y. Объем данного предмета равен 8 X, вес 5 Y. Исследование показывает, что неизменных единиц не существует. Изменяется величина метра и литра, изменяется продолжительность секунды, напряженность веса. А теоретическое исследование показывает, что наше познание, являющееся, в сущности, познанием отношений, может улавливать только перемены отношений, но не может заметить самых страшных переворотов, раз отношения между вещами и явлениями сохраняются те же. Мы теперь говорим о неизмеримых пространствах, о громадных расстояниях между звездами, но представим себе, что протяжение, которое солнечный луч проходит в 100 лет при 300 тысячах километров в секунду, сведется к размерам одного миллиметра. Представим, что длины, поверхности и объемы всех вещей вселенной уменьшаются пропорционально. Расстояние между солнцем и землей тоже с точки зрения теперешних измерений, должно быть выражено чрезвычайно малой дробью. Представим себе, что процессы будут совершаться соответственно медленнее. Луч света в 100 лет будет проходить 1 миллиметр. Такова же тогда будет скорость движения земли по орбите. И, однако, и тогда мы бы удивлялись грандиозным расстояниям между светилами и скорости движения светил. Мы не заметили бы никаких перемен во вселенной. Да мы и не знаем действительных размеров вселенной. Мы знаем отношение расстояния земли от солнца к нашему росту, но это отношение будет оставаться неизменным при всяких увеличениях и уменьшениях нашего роста и расстояния между землей и солнцем, лишь бы эти увеличения и уменьшения были соответственными. Мы можем представить себе, что вся история вселенной проходила в одной точке. Дело лишь в отношениях между предметами и явлениями, а не в их абсолютной величине и их действительных свойствах. Мы говорим о силах паровых и электрических машин, но опять-таки, чему равна сама в себе эта сила? Она измеряется по тому, какое действие производит на предметы, но предметы не подлежат абсолютному измерению. И вот, мы приходим к странному выводу, что на бесконечно малом пространстве при бесконечно малой силе можно устроить вселенную, совершенно тождественную с нашей, и у нас

возникает вопрос: бесконечное и неизмеримое пространство, о котором мы трактуем, и бесконечное время, не суть ли, в сущности, нечто бесконечно мало отличающееся от нуля. То обстоятельство, что мы не знаем предметов самих в себе, раскрывает нам, что мы ничего не знаем. Да не поймут это выражение о познании предмета самого в себе в каком либо мистическом смысле. Речь у нас идет не о познании сущностей, но о познании свойств предмета и о познании явлений. Мы в действительности не познаем ни свойств, ни явлений. Мы избрали такие-то произвольные единицы всякого рода измерений и относительно этих единиц мы знаем только одну неутешительную для нас истину, что они изменяемы, и совершенно не знаем, что они такое сами по себе, и в них мы определяем все существующее. Расстояние между Москвой и Петербургом равно $604 X$. Скажут, что этот X есть верста и подлежит определению. Все равно этот X в конце концов придется определить через Y . Отсюда в наиболее выгодных для нас случаях наше познание о предмете алгебраически можно выразить так: $Y = Fx, y, z, \dots$. Y есть функция от x, y, z , образуемая из них по таким то и таким то законам. Но если мы примем во внимание, что в природе все величины переменны: изменяется длина меридиана и скорость вращения земли, то мы в формулу нашей функции должны внести еще понятие о возможных приращениях и уменьшениях основных неизвестных. Так наше мышление открывает нам, что наше познание мира есть мышление об элементах мира, как о различных функциях неустойчивых неизвестных.

7) Мышление делает выводы, исходя из *сомнительных* принципов и опираясь на *недостаточные* данные. Анализ многих наших принципов вскрывает, что они даже лишены признаков самоочевидности и принудительности. Курсы геометрии обычно начинаются с рассуждения, что прямая линия есть кратчайшая. Но что такое прямая линия! В ряду различных определений выделяется одно, согласно которому прямая есть такая линия, которая остается неподвижной, раз у нее неподвижны две точки. Но так ли это? Риман построил геометрию, согласно которой две прямые могут иметь две общие точки и не совпадать одна с другой, следовательно, каждая может вращаться около другой. Затем, действительно ли линия, неподвижность которой обуславливается неподвижностью двух точек, есть кратчайшая? Это и неочевидно и не принудительно для мышления. Наконец, какой смысл нужно соединять со словами «кратчайшее расстояние»? Расстояние есть то, что нужно преодолеть. При передвижениях преодолевают трение и силу тяжести. Всякое движение есть нарушение равновесия в системе, и для такого

нарушения всегда требуется сила. Но если представить себе две точки, между которыми находится абсолютная пустота, т. е. в пространстве между которыми нет материи, и не действуют никакие силы, то можно ли говорить о расстоянии между этими точками? Здесь нечего преодолевать. Если мы представим себе существо, эмансипированное от действия тяжести и сопротивления среды, мы можем предположить, что оно может при затрате бесконечно малой силы перемещаться с бесконечной скоростью, следовательно, расстояний для него не существует. Из нашего рассуждения следует тот вывод, что приведенная нами геометрическая аксиома на самом деле не только не аксиома, т. е. не только не самоочевидное положение, но оказывается и положение очень неясное. Это положение выработано ограниченным опытом из скудного и недостаточного материала. Принципы как геометрические, так и всякие иные, передаются нам по традиции наследственно, они усваиваются нами в первые годы, и мы руководимся ими всю жизнь, считая их бесспорными истинами и не догадываясь, что они спорны. Когда возникает догадка, что тот или другой принцип не бесспорен, образуется два течения: одни стараются обосновать пошатнувшийся принцип, другие – отвергнуть его совсем. Возникают споры. Такие споры можно вести о многих принципах, но нельзя вести обо всех принципах сразу, ибо декартовское *de omnibus dubitandum* невозможно. Раз мы усомнимся во всем, следовательно, и в принципах нашего мышления, то у нас уничтожится возможность мыслить и рассуждать. Измерять расстояния можно только от точки, считающейся неподвижной, и обсуждать всякое положение можно, лишь исходя из некоторых неподвижных и бесспорных начал. Но раз существование таких начал отвергнуто, то, как же может двигаться мысль? Признавши одни принципы, можно подвергать сомнению другие и вот, история философии и науки показывают нам, что тысячелетия велись споры о принципах и ни к чему не привели. Мы живем и действуем по принципам людей ледниковой эпохи, но, так же как и те люди не можем защитить наши принципы. Кант отверг реальность пространства и времени, но уже Спенсер заметил, что из своей теории априорности форм чувственности Кант не сумел сделать никакого употребления. В своих лекциях по физической географии Кант представлял мир таким же, каким и теперь заставляют представлять его маленьких школьников. Мышление развивает и дополняет принципы путем индукции и дедукции. История индуктивных наук показывает, что индуктивные обобщения обычно делались приблизительно, и непрерывно возрастающее наблюдение и опыт постоянно заставляли вносить в них поправки или даже совсем

изменять их. Даже такое положение, которое установил еще Архимед, и которое в резкой форме защищал Галилей против доминиканцев, что степень погружения тела в воде зависит исключительно от его веса, оказалось неверным. Доминиканцы утверждали, что степень погружения кроме веса зависит еще и от формы тела. Они оказались правыми. Иголка при известных условиях может не потонуть в воде, а железный шар, равный по весу иголке, непременно потонет. Но это еще незначительная поправка к прежним гидростатическим представлениям. Во многих областях мы видим радикальные перемены взглядов. Назад тому немного лет гранит рассматривался в геологии, как древнейшая, чисто плутоническая основа земной коры. Теперь раскрыто, что часто он имел не чисто плутоническое происхождение, и что в некоторых местах, например, в центральной Франции, он находится в этажах девонской и каменноугольных эпох (*Rev. scientifique*, № 9, 1 sem. 1900, происхождение гранита), т. е. является более юным, чем некоторые осадочные образования.

Что касается до дедуктивных построений, то опыт истории давно научил относиться к ним подозрительно. Ведь, и в математике, играя понятиями нуль и бесконечность, можно получать какие угодно фантастические выводы. Но в математике, если и трудно делать открытия, то сравнительно легко проверять их. Сравнительно легко разоблачать и ложные построения. Но в гипотезах исторических и философских разоблачение является делом почти столь же трудным, как и построение. С тех пор, как назад тому 2300 лет, Сократ поставил себе в заслугу то, что он выяснил себе, что он знает лишь то, что ничего не знает. Гениальные ученые всегда повторяли исповедание Сократа, но гениальных ученых было немного, а ученые недоросли всех веков и всех стран всегда были убеждены, что истина открыта и что она открыта не далее, как вчера, отцы их не знали ее. Так, покойный Писарев, указывая на Конта, восклицал: «вот – истина»; так многие, указывая на Дарвина, говорить: «вот – вечная истина». Но когда лучшие мыслители будущего извлекут из Конта и Дарвина то, что у них действительно есть вечного, современные им ученые недоросли найдут новых богов, которых не знали почитатели Конта и Дарвина, и будут говорить; вот – истина или вот истинные боги, которых не знали отцы наши. Люди в своем познании, как в прошедшем, так и в настоящем, исходят из начал, достоверность которых они себе не выяснили, в развитии этих начал они опираются на логические построения, не отличающиеся строгостью, и на наблюдения, не отличающиеся точностью. Так, материал, из которого делаются выводы,

гораздо уже, чем выводы, способы, которыми делаются выводы. Даже при самом элементарном рассмотрении оказываются довольно фантастичными, способы определений и решений в конце концов оказываются утверждающимися всецело на фикциях, и наконец, само мышление с ужасом выясняет себе истину, что его мысль о мере не может соответствовать миру.

Человеческая логика есть логика относительного познания. Один предмет определяется посредством другого, другой – посредством третьего и т. д., пока наконец в потоке явлений мысль не остановится на чем либо, как само собой понятном (наприм., сравнении всех кривых линий с прямою), но на самом деле это что-либо столь же нуждается в определении, как и все другое. Человеческое мышление пользуется словами, но каждое слово обозначает собой признак или совокупность признаков, а не предмет действительно существующий – единичный. Каждое слово есть понятие общее, а не единичное. Но общим понятиям не соответствуют реальности, таким образом мы получаем, что все существующее определяется посредством несуществующего.

Но имеется много людей, которые не смущаются этим. Ищущему истины Фаусту, человечество противопоставило Фауста на изнанку самодовольно думающего, что он пребывает в истине. На вопрос Валентина: «знаешь ли ты, старик, что такое любовь?» этот Фауст, совмещающий в своем лице идиота и педанта, отвечает: «разве есть чтонибудь, чего я не знаю? Любовь – имя существительное, нарицательное, женского рода». Публика хохочет в театре над этим злополучным Фаустом, но ведь, именно этот Фауст, а не Фауст Гете олицетворяет в себе кумиров культурного человечества. Представители научного мировоззрения, это – Фаусты на изнанку. Они все знают, знают прошлое и будущее земли, знают, как произошел человек, и знают, как он погибнет, они знают факторы мировой истории, они знают, что нет провидения, нет откровения, нет бессмертия. Не знают они пока какихнибудь пустяков, что будет завтра с каждым из них, какова будет зима, каков будет ближайший урожай?

Эти самодовольные педанты на место действительного мира поставили фиктивное понятие о мире. Они создали ложный гносис, и миллионы людей усвоят этот гносис и восхищаются им. Этот гносис или это ложное знание играет у людей роль того покрывала, которое по апостолу Павлу скрывает от евреев разумение писаний (2Кор. 3, 14–15). На место мира поставили космографию и географию. Что вы знаете о Казбеке или Монблане? спросите вы маленького школьника. И он сообщит вам

самые обстоятельные сведенья о высоте этих гор, о линии вечных снегов, о ледниках, о геологическом происхождении Альп и Кавказского хребта, он сообщит такие сведенья, которых не имеют люди, всю жизнь прожившие у подножия Казбека или Монблана. Он владеет знанием. Какая на самом деле цена этому знанию? Я думаю, что не этого знания ищет человек и не это знание нужно человеку. Апостол говоришь: «знание упразднится» (1Кор. 13, 8). По мысли апостола знание в жизни человечества есть низшая ступень, которая должна замениться высшей. Какой же? На это отвечает сам апостол говоря, что мы ходим верою, а не видением (2Кор. 5, 7) и тем утверждая, что вера и знание сменяются видением. На это отвечали на пространстве веков многие мыслители различных вер и убеждений. В исламе имеется мистическое направление называемое суфизмом. Один из таких суфитов Ибн–Сина отозвался о другом суфите Абу–Саиде так: «то, что я знаю, он видит». Я думаю, что в этих словах Ибн–Сина превосходно определил бесконечное преимущество видения перед знанием. Школьник имеет понятие о Казбеке, как и всякое понятие, оно непременно сравнивает с чем–нибудь Казбек и определяет его лишь в отношении к чему–либо. Горец видит Казбек, даже закрывши глаза. В его созерцании нет места сравнениям и подобиям, он видит Казбек, как тот есть, независимо от всяких мер высоты и веса, теорий горных пород. Я говорил, что всякое понятие есть координированная сумма фикций, но в видении нет фикций. Не нужно здесь ни слов, ни понятий, никаких школьных схем. Здесь объект непосредственно воспринимается субъектом. Если Ибн–Сина говорил о превосходстве видения перед знанием после ап. Павла, то йогины в Индии говорили раньше его. Как высшую ступень духовного усовершенствования человека они поставляли уничтожение различия между субъектом и объектом, между мыслью, мыслящим и мыслимым. Но в видении или созерцании мы имеем это. Здесь в сущности нет места мысли. Мысль, поскольку она вторгается в созерцание, парализует его. Поскольку мы мыслим о созерцаемом нами предмете, постольку мы его уже не видим. Казбек начинает заслоняться от нас не атмосферой и облаками, а понятиями горы, снега, льда и камня.

Школьным образом созерцание определяют так. «Если материальный или нематериальный объект возбудил в нас живое чувство удивления или любви, мы радостно останавливаем на нем наш взгляд и нашу мысль не для того, чтобы лучше его узнать, но для того, чтобы возможно дольше наслаждаться его присутствием и впечатлениями, которые он в нас производит. Такое состояние духа – более или менее приятное, более или менее глубокое, смотря по природе производящего его объекта, называется

созерцанием. Созерцание должно быть отличаемо от рефлексии. В состоянии рефлексии мы еще ищем или истины, или блага, или красоты, и наш разум еще является деятельным. В состоянии созерцания мы считаем себя нашедшими то, что рефлексия еще только ищет, мы представляем себе это находящимся перед нашими глазами и в нашей власти и нам остается только наслаждаться рассматриванием, видением почти пассивным. Нельзя оспаривать, что созерцание – такое, каким оно описано – есть факт реальный и довольно свойственный душе человеческой. Но мистики которые описывали и анализировали его с удивительной остротой, значительно расширив его понимание, отнесли его исключительно к Богу. По их мнению созерцание есть высшая степень разумения, которой достигает душа, когда, совершенно освободившись от влияния чувств, уже освоившаяся долгими размышлениями с миром духовным, видит этот мир без усилия и без труда и получает свет, который идет от самого источника всякой истины, как наш глаз получает лучи от солнца. Созерцание есть простой и исполненный любви взгляд обращенный на Бога, как бы предстоящего перед душой. Созерцание есть конец всякого волнения, всякого беспокойства и следовательно всякой деятельности. Поэтому некоторые определяют созерцание, как «молитву безмолвия и покоя». Но созерцание стоит ниже восхищения или экстаза. Последнее состояние охватывает все способности души; созерцание только ставит душу в наиболее благоприятное положение для восприятия действия благодати и вообще для следования всякому Божественному воздействию».²

Представленное определение созерцания, данное в философском словаре, есть однако определение богословское, религиозное. Оно представляет собой вывод из учения аскетов о созерцании. «Созерцание, говорил Исаак Сириянин,³ есть ощущение Божественных тайн, сокровенных в вещах и в их причинах». Для верующего человека это – несомненная и глубокая истина. Но если мы будем стоять исключительно на религиозном понимании созерцания, то для неверующих наша речь будет медью звенящей и кимвалом бряцающим, и они сами не станут нас и слушать. Однако созерцание есть состояние, свойственное душе и верующего и неверующего человека. Представьте атеиста, плененного какой-либо картиной природы. Он не размышляет, а созерцает, и его созерцание может подняться до восхищения. Я думаю, что созерцание можно определить так: созерцание есть непосредственное восприятие бытия. Слово «созерцание» взято от зрения, но даже в отношении к миру вещественному, филологическое значение слова не исчерпывает факта.

Созерцание есть ощущение, сказал нам великий подвижник, созерцать можно каждым из органов чувств. Когда последователь йоги сосредоточивает все внимание своего духа на кончике своего носа, которым воспринимает благовоние божества, он созерцает обонянием. Когда пифагорейцу слышится божественная музыка, производимая гармоничным движением небесных сфер, он созерцает ушами. И нужно признать, что для того, кто владеет музыкальным слухом и любит музыку, созерцание наиболее понятно. Музыка настраивает душу без слов, без логических формул, без категорий Канта. Созерцание есть именно восприятие действительности без пользования этими категориями. Созерцая темно-голубое звездное небо, мы не имеем нужды, прилагать к нему категорию количества. Я беру этот пример, имея в виду самого немецкого творца категорий. Заканчивая свою «критику практического разума», Кант написал: «есть две вещи, которые наполняют душу все новым, возрастающим удивлением и благоговением, чем чаще и дольше занимается ими ум: звездное небо над нами и нравственный закон в нас». Но удивлению и благоговению нет места в категориях рассудка. Если рассудок установит, что хороший ходок может обойти землю по экватору (имея в виду лишь его длину и не считаясь с препятствиями) в три года. И что тот же ходок только в 24 слишком года может пройти расстояние, которое свет проходит в секунду, то, установив это, рассудок не имеет побуждений ни удивляться, ни благоговеть. Для мышления одинаково легко допустить, как расстояние и скорость в два раза более данных, так расстояние и скорость в биллион или в квадриллион, вообще во сколько угодно раз больших, чем данные. Удивление и благоговение, есть уже отречение от категорий рассудка, они вызываются созерцанием объекта, а не его познанием. Если созерцание и есть познание, то это познание без помощи логических подпорок – классификаций, наведений, умозаключений.

В школе Канта мы не встречаемся с понятием созерцания. Вместо созерцания мы встречаем понятие *Anschauung* – воззрение, а не созерцание, причем в *Anschauung* предполагается участие мышления. Но в идеалистической послекантовской философии мы, хотя и не встречаемся со словом «созерцание», находим понятие созерцания. Фихте в своей теории пяти мировоззрений высшим провозглашает то, в котором вера сменяется видением. Он называет это видение знанием, но ясно, что он понимает под ним религиозное созерцание. Из религиозной философии Гегеля можно извлечь, что человек начинает с созерцания и путем диалектического процесса должен окончить им. Первая ступень познания

вообще и религиозного в частности, по Гегелю, есть чувство (Gefühl); в чувстве, как форме непосредственного знания, познающий субъект и познаваемый объект находятся непосредственно один в другом. В созерцании объект и находится в субъекте, они не разделены. То, что я вижу, слышу, обоняю, пребывает во мне. Физические теории, предлагаемые современной наукой, сводятся к тому, что в меня проникают какие-то образы, или символы вещей, а вещи остаются вовне. Эти теории, рассматриваемые с научной точки зрения, являются необоснованными, а с философской точки зрения довольно нелепыми. От этих образов пахнет εἰδωλα древних философов, но древние богословы, наприм., египетские, равно как и современные дикари, принимали, что образ вещи и вещь не делимы. Я смотрю на дерево, не образ дерева, не какая-то функция дрожания эфира воспринимается мною; само дерево, существа которого я, конечно, не знаю, действует во мне. То, чего во мне нет, мною не воспринимается. На первой ступени развития человек и не отделяет себя от того, что видит, слышит и обоняет. Но на этой ступени он остается очень недолго. На последующих стадиях развития он отвергает тождество свое с тем, что познает; субъект противопоставляет себя объекту. За тезисом «я и объект – едино» следует антитезис: «я есмь я, а объект есть не – я». Но на антитезисе человек не должен остановиться. Всякий антитезис есть только мост от тезиса к синтезису. Я, перешедшее через мост, предлагаемый антитезисом, отвергает себя, как нечто обособленное, отдельное, оно мыслит себя пребывающим в абсолютной всеобщности. Поясняя это положение, Гегель приводит слова Христа: «кто хочет душу всю сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня, тот сбережет ее» (Лк. 9, 24). Человек, утверждающий обособленность и отдельность своей души от внешнего мира, губит свою душу, потому что душа не может существовать, как нечто обособленное. Человек постигший, что мы в Боге живем и движемся и существуем, отвергает активную человеческую жизнь, как противобожественную, и сменяет ее на пассивное созерцание божественной жизни и вместе с тем на активное участие в этой жизни, в чем и заключается блаженство. Это – синтез не Гегеля. Немецкий философ не остановился на антитезисе, он в своей философии указал на то, что считает высшим пунктом религиозного развития. Но здесь он буквально запутался. Его нельзя здесь ни критиковать, ни отвергать, потому что его здесь нельзя понять. Он говорит о различии точек зрения веры и неверия, не делая хотя бы для себя из них выбора, он говорит и о вечной индивидуальности «я» и об исчезновении его в абсолютной всеобщности. Чувствуется здесь, что

Гегель, отделившись от веры, не сумел заменить ее quasi-знанием, в которое, поверил бы сам. Вот почему гегельянского заключения и нельзя, в сущности, приставлять к гегельянскому началу. Поэтому я на место такого заключения и поставил христианское представление о конечной судьбе праведной души.

Так представляли себе эту судьбу христианские подвижники. Поучительно в этом отношении рассуждение св. Ефрема Сирина о блаженных обителях на слова Господа: «в доме Отца Моего обителей много» (Ин. XIV, 2). «Многими обителями у Отца, говорит он, Спаситель называет меры разумения водворяемых в одной стране (царстве небесном), понимаю же те различия и разности, с какими наслаждаются там, сообразно со своим разумением. Ибо Господь наименовал многие обители не по разности мест, но по степени дарования. Как лучами солнца чувственного наслаждается всякий, по мере чистоты зрительной силы и впечатления, и как от одного светильника, освещающего один дом, каждый луч бывает различен, между тем как свет не делится на многие светильники: так в будущий век все праведные водворяются нераздельно, в единой радости. Но каждый в своей мере озаряется единым мысленным солнцем, и по степени достоинства почерпает радость и веселие, как бы в одном воздухе и месте, седалище, созерцании и образе. И никто не видит меры и высшего, и низшего, чтобы, смотря на превосходящую благодать другого и на свое лишение, не иметь в этом для себя причины к скорби и беспокойству. Да не будет сего там, где нет ни печали, ни воздыхания, но всякий, по данной ему благодати, в своей мере веселится внутренно, а по внешности у всех одно созерцание и одна радость».⁴

Схоластическое знание должно замениться блаженным созерцанием. Может быть, многие скажут: «какая мистика! какое странное предложение любоваться галлюцинациями вместо того, чтобы посредством знания избавляться от них». Я не буду спорить о слове – должно ли это называть мистикой или как-нибудь иначе, но вот – я думаю, что можно показать, что само наше знание, не смотря на свою слабость и сбивчивость, прозревает, что оно упразднится и что его идеальным завершением должно быть созерцание. Рассуждая о том, как определяется существующее, мы установили, что оно определяется посредством несуществующего.

Как ни печальна эта истина, она не может повергать в отчаяние. Во-первых, то обстоятельство, что мышление имеет возможность подмечать свои дефекты, уже является утешительным. Оказывается, мы владеем не только способностью мыслить, но еще и способностью оценивать эти

мысли. Безпристрастный анализ приводит к заключению, что ценность их очень не высока, но это есть уже великий шаг по направлению к истине, если мы более или менее правильно оценим те средства, которыми мы располагаем для того, чтобы овладеть истиной. Во-вторых, дефекты наших приемов мы можем не только подмечать, но и исправлять. Намеренно выше был приведен пример, как непрерывный и неподлежащий делению процесс падения тела делят на моменты, в которые скорость тела предполагается постоянной, чего на самом деле нет и быть не может. Но уже со времен Ньютона и Лейбница в математике создалась отрасль, которая рассматривает процессы в их непрерывности, это – дифференциальное исчисление. На практике мы, конечно, не можем восходить до действительно неделимых элементов, мы доходим лишь до произвольно выбранных единиц, но в теории мы уже можем дать формулу для непрерывного процесса и произвести учет его результатов. Можно привести пример этого. От дней древних существовали проценты простые и сложные. Со 100 руб., отданных под 4 простых % ежегодно, отдавший будет получать 4 рубля. С той же суммы, отданной по процентам сложным, он в первый год получит тоже 4 рубля. Но если он не будет брать процентов, то в следующий год на капитал его нарастет уже не 4 рубля, а 4+. В следующий год нарастут проценты на эти проценты и т. д. Но теперь ставят вопрос о непрерывной ренте. В приведенном примере в течение года проценты были простыми, а через год через прибавление к капиталу выросших процентов изменялась только сумма капитала, на которую в следующий год шли снова простые проценты. По теории непрерывной ренты на проценты с капитала немедленно должны идти проценты, как и на новые проценты. Исчисление бесконечно малых дает возможность разрешать подобные задачи, хотя на первый взгляд они могут показаться парадоксальными. Ведь, в первый же момент на 100 рублей прирастет какой-либо процент, на этот процент новый и так до бесконечности. Для первого же момента года получится, что на 100 прирастет бесконечное число процентов. Но дисциплинированная мысль уже не боится этой бесконечности и говорить, что при непрерывной 4% ренте со 100 руб. в год получится 4 рубля 8 копеек с очень маленькой дробью. В древности, по-видимому, подобные вопросы смущали мысль. На это указывает классический парадокс, что Ахиллес, бегущий в 10 раз быстрее черепахи, никогда не догонит черепахи находящейся от него в расстоянии одной сажени. Положим, Ахиллес, пройдет сажень в 1 секунду при сравнительно для него небыстром ходе, черепаха тогда пройдет 1/10 гда Ахиллес пройдет 1/10 черепаха пройдет 1/100 так всегда, когда

Ахиллес подойдет к пункту, занимаемому черепахой, она передвинется на некоторое расстояние далее и между ними всегда будет оставаться промежуток. Математика давно разрешила этот парадокс и дает ответ, что, представляя движение Ахиллеса и черепахи непрерывным, как движение двух точек, при данных условиях должно признать, что Ахиллес догонит черепаху в $1 \frac{1}{6}$ секунды. Наше воображение, как и воображение первобытных людей, не может представить нулей, бесконечностей и их комбинаций. И долгое время мышление умозаключало, что существует только один нуль и одна бесконечность, но анализ, производившийся этим самым мышлением, вскрыл ошибочность этих предположений. Оказалось, что от деления нуля на нуль в различных случаях могут получаться различные частные, следовательно, нули бывают различные, точно также тождественные комбинации с бесконечностями дают самые разнообразные результаты. Деление и вычитание бесконечностей одной из другой дают самые разнообразные числа, т. е. величины. А между тем нуль есть отсутствие всякой величины, а бесконечность есть такое число, больше которого уже не может быть, или, как определяется в некоторых курсах – такое число, которое не изменяется от прибавления к нему единицы. Это смелое определение как бы стоит в противоречии с начальной истиной арифметики, что всякое число от прибавления единицы изменяется из четного в нечетное или наоборот. Но дело в том, что бесконечность есть нечто переходящее за границу системы наших конечных чисел. Математика, когда зародилась, представляла собой совокупность схем для измерения предметов и явлений в мире. Но история математики показывает, что анализ и исследование этих схем постоянно выясняли, что выбранные схемы слишком узки и для той действительности, с которой их сняли, и что бытие не ограничивается этой действительностью. У многих не только профанов, но даже и математиков существует убеждение, что многие математические выражения имеют условное значение, что отрицательные величины (меньшие нуля) имеют лишь символическое или условное значение, что такое же значение имеют величины мнимые (которым не соответствует никакая реальность). Но из истории математики эти люди могли бы узнать, что алгебраисты долго не понимали смысла и отрицательных и мнимых величин, с которыми сталкивались при совершении алгебраических операций, и что только постепенно они выяснили себе, что отрицательные величины обозначают направления и стороны в бытии, на которые они не обращали внимания, что из комбинаций мнимых величин получаются реальности. Точно также геометрический анализ и исследование проблем движения в механике

изменили и углубили наше понимание пространства. Наши воззрения и представления остались прежними, многих математических выражений мы не можем представить и перевести на язык образов, не можем дать о них понятия в обычных словах. Но за всем тем ведь наше человеческое мышление создало эти теории, которые оказываются неизмеримо выше нашей чувственной природы. Эти теории заставляют нас предчувствовать инобытие, но мы не можем еще его чувствовать. Поскольку физические и естественно-научные положения переводятся на язык математики, и там происходит смена и расширение понятий. Неудовлетворительность индийско-греческих атомов признана, абстрактность понятия химического элемента выяснена, условность классификаций признана. Мышление наше двигается на костылях, но оно уже выяснило, что костыли есть нечто свидетельствующее о болезни и что при нормальном состоянии их не должно быть, оно постепенно определяет свое отношение к этим костылям и уже создает системы, которые, правда, тоже поддерживаются костылями, но в которых значение их уже ослаблено. Можно сказать так. Познавая действительность по отдельным частям и сторонам, мышление снимает копии с этих частей и сторон, и копии эти являются чрезвычайно плохими и представляют собой извращение действительности. Но с одной стороны продолжение изучения действительности вносить поправки в копии, с другой – взаимное сопоставление копий тоже выясняет действительность. Наконец, нужно иметь в виду и то, что как ни плоха копия, как ни плох фотографический снимок, он всегда в руках исследователя, а действительность схватить можно не всегда, и уже потому копия, искажающая действительность, может содействовать познанию действительности.

В-третьих, наше мышление возбуждает веру в себя тем, что, будучи ограниченным и относительным, оно предносит себе образ абсолютного разума, идеального мышления. Конечно абсолютный образ, создаваемый ограниченной мыслью, далек от совершенства, но ясно, что мысль уже нашла и определила путь к совершенству и движется по этому пути. Человек ограничен и физически и духовно. Созерцая какой-нибудь вид, человек смотрит на него с определенной точки зрения. Линии, изображающие пути падающих звезд в ночи звездных дождей, сходятся в одной точке. Из этого, по-видимому, следует вывод, что они все выходят из одного пункта. На самом деле, из этого выходит совсем обратное, именно, что они движутся по параллельным путям. Но параллели для нашего глаза кажутся постепенно сближающимися и, наконец, сходящимися между собою. Если мы представим себе длинную аллею

деревьев, тянущихся с севера на юг, и вообразим себя стоящими па севере, мы должны представить линии деревьев сходящимися на юге. Если мы станем на юге, деревья покажутся сходящимися на севере. Мы знаем эти законы точки зрения, законы перспективы, но мы можем представить себе иное зрение, наполняющее все пространство, видящее все и со всех сторон. Открытия по физике последних лет, утвердившие нас в мысли, что не существует непроницаемых преград и средин, дают возможность нашему мышлению допустить возможность зрения проникающего всюду, т. е. воспринимающего лучи идущие отовсюду. Для такого зрения, которое видит всюду, не существует точки зрения. Это – со стороны физической. Со стороны психической мы воспринимаем то, на что обращаем наше внимание. Это внимание ограничено и узко. Но мы можем мыслить абсолютное зрение соединенным с абсолютным вниманием. Внимание одновременно и равно направляется на все объекты. Ведь широта внимания может быть различной, и мы можем представить себе внимание бесконечное. Собственно говоря, и на человека постоянно воздействует вся вселенная, даже и телескопические звезды, но человек не ощущает этого воздействия, он чувствует и познает лишь ближайшие предметы и существа. Но для абсолютного внимания нет более сильных и слабых воздействий, оно воспринимает воздействие, каково оно есть само в себе. Оно все познает одинаково, и все познает совершенно.

Французское и английское *notion* понимают только, что известны характерные признаки предмета, русское понятие, немецкое *Begriff*, латинское *conceptus* обозначают в идеале абсолютное владение чем-либо. Нельзя владеть тем, чего не знаешь, и нельзя знать того, чем не владеешь. Но владеть значит схватить, охватить, значит проникнуть в глубь предмета, поскольку в нем существует глубь. Такое проникновение в предмет дает действительное знание предмета, знание идеальное. Здесь нет нужды ни в словах, ни в образах, ни в символах, ни тем более в классификациях и приложении к познанному объекту сказуемых в виде общих понятий, познание здесь есть созерцание действительности. Нельзя даже говорить, что познаваемое отражается в познающем как в идеальном зеркале, нет, и идеальное отражение, как говорили мы, извращает образ ибо дает симметрическое дополнение предмета, но не воспроизводит предмета. Нет, при идеальном познании познаваемое, так сказать, пребывает в познающем, и познающий разум проникает его всецело до самых сокровенных глубин.

Как с точки зрения физической, познаваемое должно пребывать в познающем, чтобы быть идеально познанным им, так это справедливо и по

отношению к миру психическому. Чужие душевные состояния должны пребывать в познающем духе, он не солидарен с ними, они не его душевные состояния, но они испытываются и переживаются им. «У меня болит твоя грудь», писала одна мать больной дочери. Мать чувствовала боль испытываемую дочерью, но у матери грудь не болела. Даже человеческий дух может расширяться и в некотором, смысле воспринимать в себя другие души и чужие душевные состояния всех, имея свое собственное, абсолютно отличное от них, духовное содержание.

Мир есть совокупность процессов. В мире нет ничего неподвижного, нет предметов, существуют явления. Но всякий процесс стоит в связи со всем тем, что происходит во всей вселенной. Для нас в большинстве случаев эта связь неуловима. Появление кометы Галлея в созвездии близнецов, отмеченное на кенигштульской обсерватории 29 августа 1909 года, представляется нам, не имеющим отношения к земле, но, несомненно, как ни мала материя кометы, она влияет на землю, поэтому абсолютное познание, познающее без сравнений, знает это влияние так же, как и воздействие солнца на землю. Все сосуществующее во вселенной связано между собою, но познать явление, значить, познать его во всех связях, отсюда Абсолютный разум представляет совместно и постоянно все бытие. Все бытие находится въ нем. Затем всякий процесс есть продолжение прошедшего и имеет развиваться в будущем. Знание факта есть знание его происхождения и его последствий. Абсолютное знание есть представление настоящих процессов в связи со всеми, им предшествовавшими и их обуславливающими и представление всех последствий имеющих до конца времен произойти из данных. Абсолютный Разум все это представляет совместно; прошедшее, настоящее и будущее для него нераздельны, не существует для него и пространственных разделений. Отсюда можно сказать, что для Абсолютного Разума не существует ни пространства, ни времени. И, в сущности, по мере того, как человеческая мысль движется вперед, такое внепространственное и вневременное миропредставление является для него более понятным и более удовлетворяющим его идеальным требованиям. Что такое настоящее? Ведь, это только не имеющая продолжительности грань, отделяющая прошедшее, от будущего. Но прошедшего *уже* не существует, будущего *еще* не существует, продолжительность настоящего оказывается равной нулю; что же существует? Подсказывается ответ: ничего. Ответ, несостоятельность которого, мы отлично сознаем. И вот, на место этого ответа выдвигается другой, что действительно существует все то, что было, есть и будет. У нас

нет абсолютных единиц пространства и времени, мы только сравниваем различный протяжения и продолжительности и сравниваем их, в сущности, при помощи косвенных методов. Абсолютный Разум воспринимает бытие, как оно существует, для него и не может быть нужды в таких фикциях, как числа, как вся система алгебраических и геометрических знаков. Но это и суть системы измерения пространства и времени, для Абсолютного Разума они не требуются. Только вместе со всеми мировыми явлениями он созерцает их и имеет в себе, как продукты человеческого творчества.

Познание абсолютное или познание абсолютного Разума недоступно нам. Но свв. подвижники указывают нам, что между абсолютным познанием и нашим обычным познанием существуют бесчисленные градации различных ступеней созерцания. Я знаю, что многие скажут, что между бесконечным и конечным или абсолютным и относительным не может быть градаций, что все эти градации лежат на самом деле в сфере конечного и относительного и между ними и абсолютным по прежнему зияет бесконечность. Рассуждающие так на самом деле не дают себе отчета в том, что такое бесконечное и конечное. Одно и то же, может быть бесконечным и конечным, смотря по тому, с какой точки зрения мы будем его рассматривать. Всякая линия бесконечна по отношению к точке и всякая плоскость бесконечна по отношению к прямой линии, но линия и плоскость не только не бесконечны сами в себе, но даже и не существуют вне конечных вещей. Этого мало. Между конечным и бесконечным открывается связь. Движением точки образуется линия, движением линии создается поверхность. То, что связывает линию и плоскость, совершенно непохоже ни на линию, ни на плоскость. Нам и не нужно этого. Нам нужен только факт связи между конечным и бесконечным для того, чтобы отвергнуть существование между ними непереходимой бездны. Приведенные примеры некоторым могут показаться неясными. Но может быть то, о чем у нас собственно идет речь созерцание выяснит нам факт проще и яснее. С одной стороны мы имеем логическое познание, познание, так сказать, условное, символическое, с другой – мы предполагаем познание абсолютное, адекватное бытию. Созерцание является ни тем и ни другим. С одной стороны как непосредственное восприятие бытия, оно как бы приближается к познанию божественному, с другой как восприятие несовершенное, восприятие только кое-чего в предмете, а не всего предмета оно приближается к познанию посредством понятий всегда только кое-что отличающих в предмете. Схоластическое познание, указывая нам идеал в созерцании, вместе с тем выясняет нам и

то, как созерцание отступает от этого идеала. Подвижники часто говорят нам о солнечном луче. Посмотрите на радугу. Это – солнечный луч, разложенный на цвета, из которых он составлен. Созерцая радугу, любясь ею, мы испытываем удовольствие. Но знание говорит нам, что цвета радуги далеко не весь солнечный луч, есть лучи инфракрасные и ультрафиолетовые, они невидимы и не могут быть видимы нами, а то, что мы видим, есть лишь незначительная часть солнечных лучей. Есть много цветов, которые недоступны нашему зрению. То же самое должно сказать и о звуках. Звуки, производимые колебаниями более чем 40000 в секунду, не воспринимаются человеческим ухом. Может быть, движение небесных сфер действительно дает волшебную музыку, как это предположил Пифагор, но тона этой музыки так высоки, что мы не можем воспринимать их и наслаждаться ими. Может быть, имеется в мире много существ, зрение которых видит ультрафиолетовые лучи и слух которых охватывает десятки октав, их созерцание неизмеримо выше нашего, но и оно есть совсем не то, что божественное всеведение.

Мистики термин «созерцание» прилагали лишь к Божеству. Школа Сен-Виктора в Париже учила о трех органах познания: *Oculus carnis* – плотский глаз (вообще телесные чувства), которым познается вещественное, *oculus rationis* – глаз разума, орган самопознания и наконец *oculus contemplationis* – орган богопознания. Но, по-видимому, созерцание есть, прежде всего, восприятие вещественного и затем представляется вопросом – возможно ли созерцать неведущее? Якоби сказал, что мы видим Бога, хотя и не телесными очами. Что же значит это? Мы говорим, что в понятии созерцания не заключается непременно мысль о зрении: восприятие слухом, обонянием также будет созерцанием, но Якоби хочет сказать, что кроме телесных органов у нас еще есть орган духовного восприятия, и если на него воздействует Божество, то человек созерцает Бога. Однако правдивость обязывает нас сказать, что Бога мы не созерцаем. Мы созерцаем солнце, луну, звезды, но Бог обычно является для нас схоластическим понятием и его основной предикат абсолютность как бы исключает мысль о созерцании.

Что же: нельзя созерцать Бога или мы не созерцаем Его по каким-либо особенным причинам? Не чувствуете ли вы, что мы опять подходим к древу знания. Знание составило понятие Бога и это понятие, как и все, оно лишило жизни. У магометан каждая сура корана начинается словами «во имя Бога милостивого и милосердного». Таким считаем Бога и мы христиане. Но нам говорят: разве абсолютному можно приписывать признак милосердия? Ведь милосердие есть сострадание, а сострадание

есть страдание. Въ абсолютном свете не может быть теней и в абсолютно–блаженном нет места страданию. Мы называем Бога Отцом, но разве можно в абсолютном мыслить отеческие чувства? Ведь, отеческие чувства, это – эгоистические чувства и разве можно уподоблять наши отношения к абсолютному отношению сыновей к отцу! Так, знание лишает нас живого Бога и взамен Его дает нам безжизненное и ни на что ненужное понятие абсолютного.

Ум не может нам дать Бога, Которого ищет сердце. Но ум, если он действительно ум, должен, понять, что в некоторых случаях он должен ступешевываться и уступать место иному руководству или иному органу познания. Если в незнакомой и опасной местности, положим – въ горах, вы возьмете проводника известного опытностью и честностью, и ваш разум начнет подсказывать вам, что лучше было бы идти иначе, чем ведет он, то пожалуй, самое лучшее в конце концов если ваш разум откажется от своих прав понимания и всецело доверится проводнику. Точно также в ваших отношениях с ближним разум часто должен отказываться от претензий на руководство и уступать место руководству совести, законности требований которой он никогда не сумеет доказать. Представьте на минуту, что вы в ваших отношениях к товарищам решили бы, хотя на один день руководствоваться одним разумом. К вам подходит товарищ, который вчера вечером пустил по вашему адресу несколько острот, оставивших по себе у вас очень неприятное воспоминание. Как должны поступить вы? Протянуть товарищу руку или дать ему пощечину? Что может сказать вам разум, и из какого принципа будет исходить он, давая ответ? Из принципа выгоды? В конце концов, скажу вам, этот принцип невыгоден: от людей руководящихся исключительно им отвертываются. Из нравственного принципа, предлагающего простить? Но подчинение этому принципу есть, в сущности, отречение от разума, потому что представляет собой подчинение разума непонятному ему началу.

Обратимся к тому, что ум говорит о Боге. Не будем спрашивать египетских или индусских богословов. Обратимся к творениям, всегда пользовавшимся большим уважением в православной церкви и связываемых с именем Дионисия Ареопагита. Автор сочинений об именах Божиих, о небесной иерархии, о мистическом богословии рассуждает так: всякая мысль бытие имеет и своим предметом и своим пределом, она не может постигать то, что выше бытия. Бог не постижим, не уразумеваем, неизъясним. Он превышает всякого бытия и всякой жизни; никакой свет, никакое слово, никакая мысль не может определить его природы. Он не

есть никакое бытие и не может быть познан никаким бытием. Все возвещает о Нем, не допуская познавать Его непосредственно. Все говорит о Нем, ничто не говорит хорошо, Его знают вместе и знанием и незнанием. Его постигают, Его определяют, Его называют, и однако, Он не может быть постигнут, определен, назван. Ведь, по обманчивой аналогии ему приписывают атрибуты существ, для которых Он есть принцип. Он несть ни душа, ни разум, ни Слово, ни дух, Он не есть ни воображение, ни мышление, ни слышание. Число, ряд, величие и малость, равенство или неравенство, подобие или различие, покой или движение, время или вечность, равно не соответствуют Его природе. Он не есть ни могущество, ни жизнь, ни свет, ни бытие, Он не есть, строго говоря, ни единство, ни божество, ни благо (*Ουδε εν, ουδε ενότης, ούδε θεότης, η αγαθότης*).⁵ Что можно извлечь из этих рассуждений о Божестве? Ничего, если остановиться на том, что говорит ум. Очень многое, если прислушаться к тому, что ум подсказывает. Как бы ум ни поднимал Бога не только над миром, но даже над бытием, он не может оторвать мира от Бога. Если мир существует вне Бога и вне связи с Богом, то Бог уже не есть ни бытие, ни небытие, Он есть небытие, потому что то, что не имеет связи с нами, для нас не существует, и не может быть предметом никаких, даже самых неопределенных рассуждений. Но никакой разум никогда не мог изъять мира из подчинения началу всех начал, хотя бы даже под этим началом он мыслил материю. Высшее начало действует на мир, следовательно, действует на человека. Восприятие действия объекта есть восприятие объекта. Не осложненное логическим анализом, оно будет созерцанием.

Но имеет ли место в действительности такое созерцание? В течение тысячелетий человек смотрел на небо и не видел тех звезд, которые созерцает теперь в телескопе. В течение десятилетий многие любовались небом, но потом зрение их потухало, и созерцание неба становилось для них невозможным. Если рукой можно закрыть человеку глаза, и он не увидит того, кто стоит перед ним, то не закрыло ли что-нибудь, вроде руки – может быть ветви древа познания – Бога от человека? Ведь, во имя знания отрицают бытие Бога. Нам приводят слова астронома: «я осмотрел в телескоп все небо и нигде не видал Бога». Мы знаем, что это – хлестаковщина, потому что ни один астроном не мог в течение всей своей жизни осмотреть в телескоп все небо. Но ведь из этих слов следует, что этот человек не нашел Бога и в своем сердце, и мы знаем, что этих людей не мало. Что делать? и слепых на земле не мало. Евангелие учит, что чистые сердцем узрят Бога. Чистота сердца поставляется условием для созерцания Божества. Сердце, облеченное нравственным катарактом, не

может воспринимать воздействия Божества.

Но, господа, мы с вами – в аудитории, а не в храме. Нам, прежде всего и главным образом, придется считаться с умом и познанием, а не с сердцем. Если вкушение плодов от древа знания разобщило нас с истиной, то зачем мы снова протягиваем к нему руки? Я хотел бы надеяться, что в том, что я говорил раньше, слушавшие уже нашли ответ на вопрос. Первым людям подсказал дьявол, что, владея знанием, они не будут иметь нужды в Боге. Первые люди поверили этому и этим обуславливается то, что «рыдание, жалость и горе» наполняют мировую историю. И что особенно странно, люди последующих эпох и настоящего времени не перестали верить во всемогущество человеческого знания. По–видимому, все опровергает эту наивную и самодовольную веру, ну хотя бы даже то, что человечество придумало множество способов и средств убивать и не нашло средств для того, чтобы вырастить на голове хотя один волос. Рекламы «нет более лысых» также лживы, как нелепы надежды, что не будет более войн и убийств. Древо знания – не древо жизни. Оно порой бывало и бывает деревом смерти. Первые люди умерли, вкусив от его плодов, потому что их незрелый ум не мог их переварить. На место райского, стало дерево человеческого знания. Но это дерево угощает нас незрелыми плодами, поэтому неосторожные умы, пытаясь питаться этими плодами, погибают... погибают для истины.

В предыдущем рассуждении я пытался раскрыть, что сам ум выясняет свою недостаточность для верховного руководства жизнью. Само человеческое знание выясняет, что оно недостаточно для человеческой жизни. И уже поэтому нужно овладеть этим знанием. Нужно узнать науку для того, чтобы не верить в нее. Не нужно доверять научным выводам, но нужно исследовать их основания. Нашу школу многие трактуют свысока, как школу веры, а не школу знания. Напрасно! Наша школа не претендует на то, что она дает или может дать веру: наша школа только предполагает, что в ней собираются люди во имя веры. В нее приходят и просто верующие и люди, неудовлетворенные знанием, всем наша школа повторяет слова Христа: «исследуйте писание», «познаете истину, а истина сделает вас свободными».

Наша школа отвергает только ту точку зрения, на которую стали первые люди и которая их погубила, что знание достаточно для жизни; наша школа учит, что знание может указать только путь к жизни. Знание не дает веры, но оно может возбудить желание веры; знание не дает добродетели, но оно может утвердить в мысли, что лучше быть добродетельным, чем порочным. Знание не дает любви, но оно может

выяснить, что счастье – в любви. Знание, в конце концов, может выяснить свою недостаточность и то, что есть нечто высшее, что его может упразднить и что этого высшего нужно искать как «единого на потребу», как драгоценной жемчужины, ради приобретения которой купец продал все, что имел.

Знание – не цель, но знание – средство для высшей цели. Во имя этого будем стремиться к знанию. В этом году двери храмов знания широко раскрылись в России. Вступившая в них молодежь усиленными и плодотворными занятиями должна доказать, что эти двери и впредь всегда должны быть также широко открыты. Иначе случится, что эти двери закроются снова, как некогда по Евангелию закрылись двери перед пятью девами, не запасшимися своевременно маслом.

Примечания

¹ - Вступительные лекции по Основному Богословию, прочитанные в Московской духовной академии 15 и 21 сентября 1915 г.

² - M. Ad. Franck, Dictionnaire des sciences phiiosophiques. 1885. Contem plation.

³ - Творения Исаака Сириянина. Издание 3-е. Сергиев посад. Стр. 15.

⁴ - Творения св. Ефрема Сирина. Издание, четвертое. 1897 г. Часть третья 67. «0 блаженных обителях». Совершенно то же рассуждение мы нашли у другого св. подвижника Исаака Сирина, жившего двумя столетиями после Ефрема. Спаситель многими обителями у Отца называет различные меры разумения водворяемых в оной стране, т. е. отличия и разность духовных дарований, какими наслаждаются по мере разумения. Ибо не разность мест, но степени дарований назвал Он многими обителями. Как чувственным солнцем наслаждается каждый соразмерно чистоте и приемлемости силы зрения, и как от одного светильника в одном доме освещение бывает различно, хотя свет не делится на многие светения, так в будущем веке все праведные нераздельно водворяются в одной стране. Но каждый в своей мере озаряется одним мысленным солнцем и по достоинству своему привлекает к себе радость и веселие, как бы из одного воздуха, от одного места, седалища, видения и образа. И никто не видит меры друга своего, как высшего, так и низшего, чтобы, если увидит превосходящую благодать друга и свое лишение, не было это для него причиной печали и скорби. Да не будет сего там, где нет ни печали, ни въздыхания! Напротив того, каждый, по данной ему благодати, веселится внутренно в своей мере. Но зрелище, находящееся вне всех, есть одно, и место одно, и кроме сих двух степеней нет иной. посредствующей степени, разумею же одну степень горнюю, другую дольную, посреди же их разнообразие в разности воздаяний. Ясно, что подлинный текст один и что или св. Исаак заимствовал у св. Ефрема или автора спутали и стали приписывать один и тот же текст двум великим сирийским писателям. Приведенные слова Исаака Сирина см. в его творениях. Издание, третье Моск. Дух. Академии. 1911 г. Слово 58, стр. 311.

⁵ - De nomin. divin. 1, 4. De coelest. hierarch. 11. Theolog. myst. V, 1.

Содержание

Глаголев С.С. Древо знания и древо жизни1 профессор	1
Сергей Сергеевич Глаголев	
Примечания	66